

Екатерина Селезнева

ХРОНИКИ ОСОБОГО ОТДЕЛА

e-book

Екатерина Селезнева

Хроники особого отдела

«СУПЕР Издательство»

Селезнева Е.

Хроники особого отдела / Е. Селезнева — «СУПЕР
Издательство»,

ISBN 978-5-9965-0523-4

Люди не всегда знают: откуда они из Хаоса или из Порядка. Однако они своими действиями влияют на равновесие в этом мире, которое поддерживают различные подразделения Порядка и Хаоса. Среди этих подразделений есть особый отдел, занимающийся случаями, требующими совместной работы. Жизнь обычных людей может резко измениться, когда они окажутся вовлечёнными в работу этого отдела, становясь его сотрудниками. Работая в этом отделе, они переживают невероятные приключения.

ISBN 978-5-9965-0523-4

© Селезнева Е.
© СУПЕР Издательство

Содержание

История первая «Чистое блаженство»	5
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	21
Глава четвёртая	30
Глава пятая	36
Глава шестая	45
Глава седьмая	53
Глава восьмая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Екатерина Селезнева

Хроники особого отдела

История первая «Чистое блаженство»

Одному знакомому демону посвящается

Глава первая

«Мы встречаем только тех, кто уже существует в нашем подсознании»

Зигмунд Фрейд

За окном шёл дождь, вскоре сменившийся снегом. Смотреть на это было противно. Хотелось белых сугробов и присвист позёмки. Я расстроилась, это же надо, мне традиционно в нашей семье, ненавидящей зиму, захотелось зимы.

Наша семья перед самой перестройкой переехала в Самару и с восторгом окунулась во времена года, которые в Архангельске представляли собой какие-то невнятные обрывки месяцев, а порой и недель. В Самару переехали, соблазнившись перспективой большой квартиры и прочих благ, обещанных заводом для молодых инженеров. Квартиру, конечно, получили, смогли пережить Перестройку без потери рабочих мест и, в отличие от многих, привязались к этому шумному и грязному городу.

Моя прабабка, отправилась с нами, чтобы я и мои сестры получили приличное воспитание, как она говорила. Уж не знаю почему, но мои старшие сестры получили традиционные для своего времени имена: Нина и Лариса, но, когда я родилась, прабабка, сообщила родителям, что назовёт правнучку сама. А так как в нашей семье был матриархат, никто не посмел возразить Прабабке, которой к тому времени исполнилось девяносто четыре года, так я получила, необычное для женщин имя – Кайден (воин).

Когда мне исполнилось четыре года, прабабка, высохшая, как кузнечик и сохранившая ясность ума и способность передвигаться, как-то вытащила меня во двор и, примостившись на лавочку, усадила меня рядом, ткнула в лоб пальцем и прострекотала:

– Мне уже скоро конец придёт. Я говорю, а ты запоминай на всю жизнь. Мы всегда служили порядку. Твои не знают этого, а значит им и не надо, но ты другая. Запомни, всё вокруг будет таким, каким ты захочешь. Смотри... не запачкайся. Живи так, чтобы в душе птицы пели.

До сих пор помню, как я тогда поделилась с ней горем:

– Меня соседский Колька толкнул. Я вся выпачкалась.

– Это не грязь, а так. Ведь встала и не заплакала, а значит победила. Эх! Мала ты, многого не поймёшь. Уж не знаю, может быть так и надо. Главное, не изменяй мечте, не обижай слабых. Ты не смотри, что некоторые большие и сильные. Личина – это ложь. Главное внутри. Ты – боец и творец. Ну а теперь пошли суп есть, и я попрощаюсь с твоими сёстрами. Вечером помру. Да! Ты на кладбище ко мне не таскайся, будет надо, сядь под любым деревом и ему расскажи о своей беде, если смогу, то я тебе оттуда помогу. Вообще почаще под деревьями сиди, чтобы я не скучала. Ты только не плачь, не люблю я этого, да и не к чужим иду. Все там будем.

Возможно от того, что это и произошло, я разговор запомнила на всю жизнь. Поев куриной лапши, Прабабка поцеловала вернувшихся из школы моих сестёр, позвонила на работу отцу и заявила:

– Ты поторопись домой-то, да Нинке, скажи, что к семи вечера я помру.

Перепуганные родители отпросились с работы, вызвали врача, но все попусту – в семь вечера она, как и обещала, умерла. Врач, которому сообщили, что прабабке девяносто восемь лет, и что она заранее предупредила о времени смерти, никак не мог в это поверить. А я, четырёхлетняя соплюшка, добила врача, сказав:

– Не плачьте, она не велела. Сказала, что не к чужим пошла. Велела сказать, что все там будем.

Врач возопил, что у меня стресс, но я ушла играть в куклы, потому что не знала, что это такое, да и набежавшие соседи сильно утомили меня. Ещё долго во дворе шушукались о смерти бабушки, но перемены в стране, и собственные дела всех отвлекли от нашей семьи, и жизнь покатилась по наезженной колее.

Видимо моё имя, мне хотелось бы так думать, очень всех раздражало в школе. Учителя периодически вызывали моих родителей, из-за драк и моего ужасного упрямства – я учила только то, что мне нравилось. Оценки у меня были необычными: русский – три, арифметика – пять, литература – пять, физкультура – три, рисование – три, природоведение – пять. Бедные родители! Они и уговаривали меня, и наказывали, но ничего нельзя было поделать. Мой мозг просто наплевательски относился к неинтересным предметам. В конце концов, родители смирились с этим, надеясь, что с возрастом это пройдёт. Однако в старших классах этот кошмар продолжился. Я ненавидела информатику, но лучше всех в классе владела компьютером, обо-жала геометрию и стереометрию и плевала на тригонометрию. Лучше многих знала органиче-скую химию, а по неорганике у меня был трояк. Когда приступило время готовиться к ЕГЭ, я, узнав, что родители решили из меня сделать врача, упорно стала готовиться, чтобы поступать на биофак. Не то, чтобы мне не нравилась медицина, но перспектива провести жизнь в окру-жении чихающих и кашляющих людей меня не вдохновила. К тому же в памяти так навсегда и запечатлелось, что бабушка сказала о деревьях, что, если я буду сидеть под деревьями, она не будет тосковать. Возможно, я уже тогда решила узнать, как это общаться через деревья.

В школе меня уже со второго класса не трогали, потому что на дразнилки типа «Кайда-майда, жареная сайда» я не обращала внимания, а на подлянки всегда отвечала. Если не могла сразу, то ждала неделю, месяц, но обидчик получал по полной. Я никогда не скрывала, что это моя работа, и вскоре от меня одноклассники отстали. Учителя же осознав, что из меня не сделать медалистку, тоже перестали обращать на меня внимание. Короче, школа кончилась, как страшный сон.

В Универе я пошла на кафедру Ботаники. Меня просто околдовали лекарственные травы. Училась я у старой, с лёгкой странностью профессорши, которая, несмотря на преклонный возраст, скрипя, как несмазанная телега, костями, лазила по горам и долам Жигулей и учила меня премудростям.

Бедные мои родичи! Они безропотно пили травяные чаи, ели салаты из диких трав, приготовленные по старинным народным рецептам, пироги с разной не огородной зеленью, почерпнутые из советов в Интернете, пока моё увлечение травами, как объектами кулинарии не прошло.

Следующим этапом моего развития были лекарственные травы. Уж не знаю, то ли с пере-пугу, что им придётся пить отвары и настойки из трав, то ли под воздействием травяных сти-муляторов, мои родные перестали болеть, а может и скрывали от меня болезни. Меня это не опечалило, и я переключилась на однокурсников, которые осознав, что любой их прогул, это повод для меня начать их лечить травами, стали прилежно учиться и всячески демонстриро-вать мне свое здоровье и бодрость духа (у меня были рецепты и от депрессии). В результате этого друзей в Универе я так и не приобрела, хотя приятелей было много.

Окончив ВУЗ, я в полной мере оценила, что значит мечты и реальность. Моя мечта создать ферму лекарственных трав рассеялась, как дым, и я поступила в фирму «Букет», соблазнив владельца созданием цветочных композиций, влияющих на карму и ауру. Это был чистый развод, он это понял, но оценил и сделал старшим дизайнером. Созданные мною букеты и цветочные композиции, в которые я совала лекарственные травы и амулеты, сделанные мною самой из подручных материалов, по инструкции древних мастеров, которые я извлекла из сти-хов и повестей Китая, Кореи и Японии, почему-то действительно влияли положительно при заключении сделок. Это создало нашей фирме мистическую репутацию, и от заказов не было отбоя, а я стала зарабатывать так прилично, что решила снять квартиру.

В принципе меня никто не гнал из дома, но, если хоть кто-то жил в одной комнате с двумя сёстрами, поймёт меня. Мы спорили из-за косметики, зеркала, полок в шифоньере, оче-реди в ванну. Не ругались, но всегда пикировались. К тому же у сестёр был сложный период поиска будущего партнёра по браку, на что мне было наплевать, что также часто приводило к

стычкам. Родители всегда вставали на мою сторону, объясняя сёстрам, что я младше их и не созрела, видимо, для серьёзных отношений. Это толкование не устраивало ни меня, ни сестёр, и, в конце концов, привело к мысли о самостоятельной жизни, если уж дома меня никто не понимает.

Крохотную квартиру, которую я сняла, была на улице Гагарина, и в результате на дорогу в одну сторону из-за вечных пробок я тратила час.

Дорога полна неожиданностей, именно по дороге на работу я приобрела друзей, которые заполнили мою душу теплотой и своими тревогами, и волнениями. Это были Гусёна и Боб. Мы с ними в одно и то же время мучились в автобусной давке, почти месяц, но так бы и не познакомились, если бы не случай.

На одной из остановок в автобус втиснулся толстяк, который обдал всех запахом чесночной колбасы. Жара стояла неимоверная, и все мысленно стали проклинать судьбу, а он, бодро расшвыривая всех огромным животом, двинулся по проходу в сторону кондуктора, размахивая стурблевкой. Мимоходом он успел отдавить нескольким людям ноги, кондуктор, ошалевшая от жары и запаха чеснока, сердито возопила, чтобы он передал деньги. Толстяк крича, чтобы ему передали сдачу, следил за продвижением билета и сдачи. Получив деньги, он сердито гавкнул:

– А почему Вы не объявляете остановки?

Кондуктор, измученная духотой, простонала:

– Мичурина. Следующая Мичурина.

Толстяк ринулся к передней двери, как на штурм Зимнего дворца, пока не достиг миниатюрной брюнетки с коротко стриженными волосами, стоящей, недалеко у выхода. Он дыхнул на неё чесноком и заорал, как глухой:

– Утка стриженная, выходишь?

Брюнетка испепелила его взглядом и попыталась прижаться к креслу, на котором сидел вихрастый шатен с ноутбуком на коленях.

– Проходите, – процедила она.

Толстяк обзрел щель, в которую ему предлагали протиснуться, и заорал ещё громче:

– Я из-за твоей толстой задницы не могу пройти! Давай-давай, пошевеливайся!

К слову сказать, попка блондинки была крутой и соблазнительной. Мне повезло сесть у окна, рядом с вихрастым парнем, и теперь я лихорадочно обдумывала, как одёрнуть хама. Видимо Провидение избрало только такой способ познакомить нас. Переглянувшись с парнем, я дёрнула к себе его ноутбук, парень – брюнетку так, что она оказалась у него на коленях, и нежным тенором прочирикал:

– Мужик! Не ори так, прыщи полопаются.

На мгновение наступила тишина, а толстяк, который, видимо, никогда не получал отпора, пискнул и, сметая всех, ринулся к выходу. Автобус взорвался хохотом. Парень так и не выпустил с колен брюнетку, а через пару остановок, когда мы продрались к выходу и вышли, весело подмигнул.

– Давайте знакомиться. Я – Боб... э-э... Борис Хохлов.

– Женя Гусева, для друзей Гусёна, – брюнетка отчаянно покраснела.

Я поёжилась, зная, какое впечатление производят на людей мои имя и фамилия

– Кайдэн Рич.

– Ты из-за бугра? – заинтересованно прочирикал Боб.

– Местная, – я посмотрела на них и, подняв забрало, пошла напролом. – Мне до работы ещё полтора часа гулять. Если выйду чуть позже, то опаздываю. Вон там кафе, можем сесть, выпить кофе, поговорить. Уверена с вами та же история. Я видела, как вы вон в том скверике сидите по утрам.

– Вот это да! – Гусёна широко улыбнулась. – Пошли, только надо не забыть и обязательно телефонами обменяться.

Никогда и ни с кем мне не было так интересно, как с ними. Мы говорили и говорили, о себе и о работе. Полтора часа пролетели, как мгновение. Я не хотела с ними расставаться, и, как это ни странно, у нас тогда у всех разом зазвонили телефоны. Мне позвонил шеф и сообщил, что даёт мне отгул, так как у второго нашего менеджера заболела дочка, а сегодня с дочкой сидит мама, а завтра сидеть некому, и он попросил меня поменяться днями с ней. Я радостно завопила:

– Идёт! – и обнаружила, что мы кричим это хором.

Это было очень весело. Мы немедленно отправились на набережную. Это удивительно, но за короткое время мы так много узнали друг о друге. Я рассказала, как решила поменять мечту стать фермером, на работу фитодизайнера и сообщила, что ни разу не пожалела. Боб жаловался, что работа неинтересная, а он программист. Гусёна рассказала, что работает хирургом в поликлинике, и что второй врач-хирург её однокурсник просто изводит её. Они очень тревожились, что я буду сочувствовать, мне было не до этого. Мир расцвёл тёплыми красками, и я наслаждалась общением.

На другой день после работы Боб потащил нас на выставку фотографий, а через день Гусёна уговорила нас пойти в кино. Я блаженствовала. Всё то, чего я была так долго лишена: общение равных и простое дружеское участие, мне дарили они. Это странно, но мы ни разу не поругались.

Как-то мимоходом, Боб сообщил, что сменил работу и теперь работает сисадмином в какой-то фирме, и ему там очень нравится. Однажды случайно мы забрели к Гусёне вечером после работы, нам понравилось, как она выглядит. Строгая и красивая. Она нам призналась, что перешла в филиал этой же поликлиники, честно рассказав своему заведующему о пакостях бывшего однокурсника. Я порадовалась за них и за себя, моя работа меня устраивала.

Дни, проведенные с друзьями, мелькали так быстро, что мы и опомниться не успели, как прошло полгода. Это событие я решила отметить, познакомив их со своими родными. Конечно, предварительно я долго беседовала с мамой о жизни и друзьях, а с папой о долге и верности, с сёстрами о судьбе и их работе. В результате родные решили узнать, с кем я общаюсь, если внезапно так резко повзрослела и поумнела.

Я представила своих друзей моим домашним, и мы были удостоены воскресного чаепития с маминым пирогом, но больше никогда не заходили к родителям. Они были рады им, но не понимали, какая может быть дружба в нашем возрасте, когда пора создавать семью. Я даже не успела расстроиться, пока Гусёна не сказала, что ей не с кем нас знакомить, так как мама её умерла, а отец бросил, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Боб немедленно, торопясь, что мы как-то не так о нём подумаем, рассказал, что он детдомовец. После чего мы пришли к мысли, что нам очень повезло, что мы встретились.

За следующие полгода мы убедились, как много у нас общего: определённая музыка и некоторые композиторы, одинаковые книги, Волга, цветы. Мы часто бывали друг у друга дома, но больше всего мы любили гулять по городу и сидеть в кафе. Вот тогда-то к нам пришла идея провести вместе отпуск. Как, оказалось, провести отпуск летом нам не светило ещё года три. Я стала их соблазнять бархатным сезоном на море, тем более, что я там никогда не была, но Боб считал, что это малодушие, и надо изучать природу Родного края. Я не соглашалась, напирая на то, что осенью на турбазах мерзко. Потом у меня на работе случился «завал» и только после десятого января мы неожиданно все вместе получили отпуск.

Узнав об этом, я печально побрела домой и теперь смотрела в окно и переживала, не представляя, как можно в такое время отдыхать. Раздался звонок и замёрзшие и мокрые ко мне ввалились Гусёна и Боб. Они имели довольно неприглядный вид – у Боба сильно текло из носа, а Гусёна сипела. Посмотрев на нас, я покачала головой.

– Жалкое зрелище! – и всем выдала по бокалу крепкого чая с шалфеем и мёдом, чтобы их утешить.

Гусёна сердито просипела.

– Надо отсюда сваливать и начать закаляться.

Мы с Бобом тревожно переглянулись, это было в духе Гусёны, привыкшей по жизни зажигать идеи и потом, мило мурлыча, отказываться от всякой ответственности за их реализацию.

– Куда? На пампасы у нас денег не хватит, – осторожно заметил Боб.

– Ерунда! Надо ехать на Север, – увидев наши лица, Гусёна сипло захихикала. – Придурки, под Сызранью есть дивный профилакторий «Лесная сказка». В прошлом году там отдыхала наш невропатолог. Там сосновый бор и снег. Будем кататься на лыжах.

– Я терпеть не могу лыжи, – попыталась остудить её пыл я.

– Будешь ходить по терренкурам.

– Это что? – заинтересовался Боб.

– Специально протоптанные дорожки в снегу, – пояснила я, для тренировок страдающих недугами.

– Всё, Кай! Собирайся! – приказала Гусёна.

– Это почему же я?

– Поедем все вместе, но говорить будешь ты, потому что у Боба сопли, а я сиплю. Купим путёвки.

– А они дорогие?

– В этом-то и прикол, почти задаром. Двадцать дней и сорок тысяч. Учтите, там кормят от пуза, есть массаж, тренажёрный зад, лечебные ванны и солярий.

Подгоняемые неистовой Гусёной, мы немедленно отправились на Московское шоссе, в фирму, которая продавала эти путёвки. Видимо кто-то наверху пошептал за нас, потому что, когда прибыло такси, дождь со снегом прекратился. Мы ввалились в старое здание сталинских времён, дотопали по тёмному коридору до жёлтого прямоугольника гостеприимно распахнутой двери.

Шесть столов с компами и озабоченными менеджерами, пара посетителей кроме нас. Мы не обратили на них внимания, потому что старший менеджер дама лет сорока, которой мы обратились, билась в истерике. Отвалился Интернет и никак не проходила оплата.

Посмотрев на это, я тихо попросила, прочитав бейджик на груди дамы:

– Анна Викторовна, а не напоите ли вы нас кофе? Мы продрогли. Пока мы пьём кофе, ваши девочки оформят нам три путёвочки, а потом подключат Интернет, и мы вам за всё заплатим. Если его не включат, мой друг сгоняет в банк и притащит наличные.

Мы пили ароматный кофе. Анна Викторовна жаловалась нам, что сегодня непрерывно идут потоком клиенты, а Сеть висит. Девочки барабанили по клавиатуре, как будто это были старинные машинки. В тот момент, когда нам под нос подсунули три путёвки, включился Интернет.

Получив напутствия и небольшой проспект с видами Соснового бора и бело-розового сооружения за ржавым железным забором, мы отправились по домам. Путёвки Гусёна забрала, заявив, что мы обязательно их потеряем. Ехать надо было уже завтра, и мы лихорадочно складывали вещи.

Я кидала в чемодан пижамы, джинсы, тёплые и шёлковые брюки, белье, потом забыв, что я положила, доставала и заново начинала формировать кучки. От этого замечательного дела меня непрерывно отвлекали то Боб, то Гусёна вопросами и советами по телефону. Я вспомнила про то, что там, наверное, будут танцы, опять вывалила всё и добавила ещё пару брюк, красивых кофточек и туник.

Вспомнив, что на время отпуска должно быть обязательное посещение родительского дома, я принялась звонить им. Видимо дома, мама включила громкую связь, потому что мой отпуск обсуждала вся семья. Узнав, что я еду куда-то в область сёстры прокричали мне, что умные и богатые мужики отдыхают в Турции и у меня есть шансы стать старой девой, отец удивился, сообщив, что не знал, что я люблю снег, а мама возмутилась, что вместо шубы я трачу деньги на какую-то дыру. Я тепло поблагодарила их, что они не разочаровали меня, после чего мы дружно положили трубки. Я, было, разозлилась, но вспомнила, что еду с друзьями, успокоилась и опять начала проверять все ли вещи я положила по списку

Радовало, что я не взяла с собой лыжи. Зато я представила, как ребята будут мучиться с ними, и засунула в сумку три шоколадки, в качестве утешения. Настроение было великолепное, несмотря на то, что надо было вставать в пять утра – электричка отходила в шесть тридцать.

Ехали мы сонные, поэтому, если какие-то красоты за окном и были, то они проносились мимо нас незамеченными, во-первых, было темно, а во-вторых, окна покрывал морозный узор, что также не способствовало обзору окрестностей. В наш вагон сначала непрерывно на станциях садились какие-то люди, оснащённые лыжами и санками, а потом пачками стали высаживаться, видимо, хорошо разбираясь в том, что хрипит репродуктор. Мы же не понимали ни слова и поэтому вздрогнули, когда голос из репродуктора довольно внятно прокаркал.

– Конечная. Сызрань.

Утро было пасмурным, а так как телефоны у нас грелись у груди, мы совершенно не представляли, который был час. Неожиданно пелена облаков разорвалась, явив миру второй слой неба, ярко-голубого, по которому плыли облака, как будто нарисованные каким-то древним китайцем.

– Вот это да! – Гусёна, ахнула.

Солнце, услышав её, подмигнуло нам и исчезло, натянув на себя сплошную пелену облаков. С неба стали падать маленькие пушистые комочки снега, как их рисуют в мультике.

Я радостно возвестила:

– Сказка! Ребята. Это – сказка.

Крохотная привокзальная площадь радовала чистотой и свежеекрашенными зданиями, рядом автобусов, к которым стремились рабочие массы. Однако мы хорошо помнили инструкции, написанные в путёвке, что с Железнодорожного вокзала лучше всего добираться на такси. Боб, озираясь, поискал глазами такси. Увы, такси, как назло, отсутствовало. Такое редко бывает, но нам не повезло. Боб всегда сердитый по утрам возмутился:

– Плохая это сказка. Впервые вижу вокзал, где нет такси.

Видимо из-за этого мне захотелось вернуться домой, налить какао, завернуться в плед и смотреть сериал, про чьи-то приключения.

– Вот это да! Что это вы скисли? Сейчас они понаедут. Уверена, и минуты не пройдёт, – покачала головой Гусёна, засунула два пальца в рот и свистнула.

Мы с Бобом скептически усмехнулись, но из-за какого-то здания вывернулось белая машина с шашечками и надписью «Яндекс-такси». Из окна высунулась заросшая щетиной помятая рожа и осведомилась:

– Куда?

– В «Лесную сказку» – заявил Боб и решительно продолжил. – Тысяча. Гусёна, гони деньги, твоя очередь за такси платить.

Таксист хмыкнул, и мы принялись втискивать в багажник чемоданы сумки и рюкзак, потом пристроили две пары лыж на крышу.

Глава вторая

«Случайность символизирует собою открытость мира, открытость будущего, встречи с ранее неизвестным»

Ю. В. Сачков

Город нас не вдохновил и был похож на все провинциальные города России, безликие деревянные строения сменились пятиэтажками и поэтому мы задремали опять, так и не увидев местных достопримечательностей, если они и были. Проснулись мы от вопля шофёра:

– Вы что спите-то? Красота-то какая.

Мы зароптали, но стали смотреть по сторонам. Он был прав, дорога, по которой мы ехали, была сказочной. Справа и слева высились поджарые сосны в шапках снега, лихо сдвинутых набекрень, а из сугробов, вплотную придвинувшихся к дороге, торчали сосны-малышки, похожие на сгорбленных гномиков. На иногда встречавшихся полянках кусты бересклета и поросль молодых берёзок, заваленных снегом, превращались в сказочные деревушки хоббитов.

Когда мы подкатили к профилакторию и обнаружили на огромных воротах амбарный замок, я не удивилась. Боб вылез, проваливаясь по щиколотку, добрёл по занесённой снегом дорожке до ворот и загрохотал в них, вопя:

– Я вас засужу! Такие деньги, а закрыто.

Шофёр осторожно осведомился:

– Выходить будете?

– Кай! – жалобно пискнула Гусёна

В отличие от многих я знала, что если что-то эдакое случается, то у владельцев или начальства всегда найдётся отмазка. Никогда не понимала слезомойства, поэтому принялась обдумывать вечный российский вопрос «Что делать?». Отвлекло меня общее хоровое «Кхм». Я повернулась к Гусёне.

– Помолчи! Надо подумать, – уезжать из этой сказки не хотелось, и тут меня осенило. – Боб! Посмотри, может там что-нибудь написано?

Боб добрёл до будочки у ворот, постучал в её дверь, потом помахал нам и побрёл к машине.

– Девчонки! У них из-за дизентерии карантин. Отдыхающих просят либо вернуть путёвки, там есть адрес в Сызрани, либо продолжить отдых в Гостевом доме «Чистое блаженство», на тех же условиях, что и в путёвке.

Гусёна постучала по плечу шофёра.

– А что-нибудь слышали про этот Гостевой дом?

Шофёр хмыкнул.

– Это Тамаркин что ли? Странно, что вас не предупредили. Я уже туда отвёз несколько человек, остальные, наверное, сдали путёвки. Те, кто сдал, ещё и компенсацию получили. Мне приятель рассказал, он их в эту фирму в Сызрани возил.

– Зачем нам компенсация, если у нас отпуск пропадает?! – возмутился Боб. – Кайка! Гусёна!

Я тронула за руку шофёра.

– А большой дом?

Таксист поджал губы.

– Да чуть меньше профилактория, но все наши слуги народа там любят отдыхать. Очень там хороший массажист и бочки.

– Какие бочки?

– А Тамарка сделала такие же бочки, как на Алтае, в Белокурихе. Сидишь в бочке из определенного дерева и паришься в пару из лекарственных трав. Говорят, лечит всё, от подагры до мааразма, – шофёр подмигнул нам.

– Боб, лезь обратно! Поедим в это «Блаженство».

Только Боб подошёл к машине, как неожиданно на дороге из-за заснеженных кустов, вылезла заплаканная бабка. Мы переглянулись. Бабка затрясла головой и заголосила:

– Кошелёчек!

– Господи! – Гусёна выскочила из машины, вытащила из кармана куртки облатку с вали-
долом и сунула бабке в рот. – Бабуля, что случилось?

– Кошелёчек, – плакала бабка, закрыв лицо морщинистой лапкой, – отняли ироды.

– Вот твари! – взбесилась Гусёна.

А мне стало не по себе. Как это отняли? Мы здесь уже минут пять валандаемся, а кроме птичек никого не слышали. Видимо не только меня посетили сомнения, потому что Боб про-
чирикал:

– А где и когда отняли?

– Утречком, – у бабки тряслась голова от усилия рассказать. – Два ворлагана. Я путь
решила сократить, вот и сократила, дура старая. Купила молока.

Боб вздохнул и вытащил бумажник, а затем выудил из него тысячу. Я точно знала, что
она у него последняя. Почему-то мне казалось, что бабка врала, но, зная характер Боба, мне
не захотелось его останавливать. Боб шмыгнул носом и начал процесс восстановления спра-
ведливости.

– Вот что бабуля, я не знаю, сколько отняли, но уж на молоко найду денег. Бери тысячу.
Не смотри, что на ней фломастером иероглиф нарисован, она настоящая.

– Да ты что, внучек! У меня-то и было-то, только триста рубликов.

– А фиг с ними. Бери! От чистого сердца даю. Прости, бабуля, за всех мерзавцев, что
обидели тебя. Поверь, дал бы больше, но она у меня последняя, а мелочь не в счёт.

Старушечья рука сильно дрожала, когда брала эту тысячу.

– Не жалко?

– С чего бы это? Ещё заработаю. Я такой, что из говна конфету сделаю. Не расстраивайся,
бабуся! Если есть справедливость, не впрок им будут деньги, всё просрут, – попытался её уте-
шить Боб. – Это я тебе, как программист говорю. Жизнь она всё трансформирует как надо.

Бабка погладила тысячу и прошептала:

– Спасибо внучек. От меня ушло, ко мне и вернулось. А ты что же, трансформер?

Боб захохотал:

– Бабуля, трансформеры только в кино, а я – программист. Я же говорил.

– Ну, пора мне, побреду я домой, – бабка медленно пятилась в кусты.

Гусёна ахнула:

– Да куда Вы? Кай, ну скажи ей. Может её надо проводить?!

Бабка цепко осмотрела её, меня и опять попятилась. Мне стало её жалко.

– Гусёна! Не лезь к ней. Она теперь никому не верит, а там, наверное, у неё тропочка
есть. Смотри, у неё валенки только по щиколотку в снегу.

– Прощайте, – старуха нырнула в заснеженные кусты.

Я, чтобы подбодрить её, крикнула:

– Не волнуйся. Всё будет хорошо! Добро всегда побеждает.

Таксист прокашлялся.

– Девчонки, поторопитесь! Нам ещё минут двадцать ехать, если вы к Тамарке надумали.
Давайте-давайте, мне ещё возвращаться.

Боб уставился на меня.

– Не смотри! – рассердилась я. – Конечно, мы поедем туда. Разве можно пропустить такое.

– Какое? – пропыхтел Боб, втискиваясь на заднее сиденье.

– Где ещё обещают Чистое блаженство?

Через двадцать минут довольно быстрой езды по узкой дороге между высокими соснами, с ветвями на макушке, и заснеженными вязами мы оказались на поляне. В дальнем конце поляны за настоящим деревянным частоколом виднелся двухэтажный срубовой домина, недалеко от него за срубом стоял изящный флигель в стиле «теремок». От дороги между сугробами вилась неширокая утоптанная дорожка к монументальным деревянным воротам, на которых славянской вязью было вырезано «Чистое Блаженство».

Таксист, покашляв, буркнул:

– Вытряхивайтесь, молодые люди! Мне ближе не подъехать.

Вздыхая и охая, мы вытащили свой скарб. Гусёна расплатилась с таксистом, и мы потащились к воротам по шелковистой снежной пыли, покрывшей дорожку. Таксист библикнул и, развернувшись, скрылся за поворотом. Боб, как истинный рыцарь, донёс наши чемоданы и свой рюкзак, а мы уж доволокли лыжи и наши дамские сумки, как называла наши хозяйственные баулы, Гусёна.

У ворот присоседилась резная избушка, с окном из которого высунулась рожа с окладистой бородой и сочным басом потребовала:

– Путёвки! – Гусёна жестом фокусника откуда-то извлекла путёвки и сунула ему под нос. Бородатый задрал лохматые брови. – Ого, двадцать дён! Только здесь молодёжь скучает.

Я одёрнула его.

– Может надо нам поразмышлять о будущем в покое.

Старикан хохотнул.

– Покой нам только снится. Ну, проходите. Если что, меня Пахомычем кличут. Только стучите, я на крики не реагирую.

Мы даже не отошли, а из избушки-будочки уже раздался храп. Боб с уважением чирикнул:

– Работает, надрывается.

Площадка перед входом была очищена, дорожки утоптаны. Гусёна укоризненно посмотрела на Боба.

– Зря ты так. Он всё уже почистил. Лучше посмотри красотища какая.

Перед входом, справа и слева от широкого и высокого крыльца, росли трёхметровые тёмно-зелёные ели, явно посаженные здесь когда-то. Из аккуратных сугробов торчали металлические конструкции в виде снежинок, обвитые лампочки от ёлочных гирлянд, но они не нарушили сказочной идиллии.

– Новый год справляли, но лампочки уже отключены, наверное, – вздохнул Боб. – Эх! Уж я бы их иначе трансформировал! Я бы из них фонтанчики собрал.

Я переглянулась с Гусёной, обожал Боб это слово. Мы много приложили усилий, чтобы оно реже им использовалось. А Боб, уже приложив руку козырьком к глазам, обозревал наше будущее место отдыха.

Бревенчатое здание имело высокую гонтовую крышу, а окна – резные наличники. Само здание имело форму буквы «Г». В отличие от него флигель в дальнем углу двора был более лёгкий и целесообразный, хотя так же имел два этажа.

Гусёна с уважением пробормотала:

– Вот это да! Оборотистая эта... хм... Тамарка. Хотелось бы на неё посмотреть.

Войдя в холл, мы замерли, так красив и просторен он был. В глубине стоял камин, выложенный гранитными плитами, вокруг него расположились шесть кожаных кресел, на спинках каждого лежал клетчатый плед. По бокам, как часовые, стояли разлапистые финиковые

пальмы. Направо и налево резные двери отгораживали холл от коридоров. У стен стояло ещё несколько кресел.

Недалеко от входа за столом, сделанным под старину, виднелась чья-то макушка с кокошником. Мы весело переглянулись. Большой монитор, горшок с цветущей геранью и некое сооружение из зеленоватого оргстекла, похожее на соты, скрывали лицо сидящей девицы. Она поднялась. Кукольное личико осветилось приветливой улыбкой. Она перекинула искусственную косу с плеча за спину и проворковала.

– Здравствуйте, дорогие гости! Меня зовут Татьяна. Я занимаюсь административными разными делами и устройством на постой.

Мы переглянулись, озадаченные её речью. Гусёна отстранила нас и вежливо проговорила:

– Видите ли, у нас путёвки в профилакторий, но там...

Девушка замахала руками, остановив речь Гусёны, готовой биться за наш отпуск.

– Да-да! Я знаю. Пахомыч уже сообщил мне.

– Видимо, мы должны поговорить с владелицей этого заведения?

– Зачем? – искренне удивилась девушка. – Из Сызрани сразу направляют к нам, а в Самаре как-то видно прохлопали ушами и не заметили наше письмо. Мы вас примем, и вы прекрасно отдохнёте у нас. Тамара Витольдовна сейчас очень занята, она же была заведующей того профилактория и теперь столько волокиты.

– Следствие, – сочувствующе приговорила Гусёна.

– Вот уж не знаю. Моё дело – ваш комфорт. Вы должны знать, у нас вы пройдёте все те же процедуры, что и намеревались, и даже то, что вам и не снилось. Наш массажист Николай, имеет не только сертификат, но и награды за победу в каких-то конкурсах. Но он приедет через неделю, а пока к вашим услугам процедуры, которые вывешены на дверях столовой. Да-а... у нас есть квалифицированная медсестра, она обслуживает бочки и разное другое. Я вас поселю в чудесный четырёхместный номер.

– Это почему?! – возмутился Боб. – Я с девчонками не хочу! Они всё своими тряпками закидают. Я чуть не надорвался, когда их барахло тащил.

Несмотря на его возмущения, я заметила, как он обрадовался и порозовел, взглянув на Гусёну. Вот так-так! Как же я не заметила, что он увлечён нашим хирургом? Гусёна порозовела и буркнула под нос: «Дурак», но я услышала кое-что в её голосе и возликовала. У Боба есть надежда, лишь бы я не помешала им.

Девушка опечалилась.

– У нас остались свободными только четырёхместные номера. Но они очень уютные, вам понравится.

– Ну хоть подселить к нам не будут? – встревожился Боб.

– Нет-нет! Не волнуйтесь. Больше никого мы не будем принимать. Вы последние. Тамара Витольдовна позвонила в Самару и предупредила агентство. Даже поругалась с ними, что они продали вам путёвки, – девушка заговорщицки подмигнула. – Здесь более дорогое проживание, чем в профилактории.

– Мы доплачивать не будем! – встопорчился Боб.

– Конечно! Этого никто не требует. Просто это стечение обстоятельств, а мы должны всё исправить. Ваш номер седьмой.

Узкий коридор, покрытый упругим зелёным паласом, лестница, украшенная лампами под керосиновые, и мы в номере, расположенном справа вторым после лестницы.

– Вот это да! – в восхищении прошептала Гусёна, осматривая номер.

Окна обрамляли шторы цвета тополиного листа, собранные золотыми шнурами в фестоны. У окна две деревянные огромные кровати, накрытые стёганными атласными зелёными покрывалами, гордо несли пирамиды подушек. В центре стол, на котором стоял кувшин с водой и стаканы. Справа и слева от стола огромный шифоньер, стеклянная горка с посудой

для чая и электрочайником. У каждой кровати тумбочка с лампочками под старинные керосиновые лампы со стеклянным зелёным абажуром. Всё из дерева.

Самой удивительной была вторая половина комнаты. В нише, сразу за шифоньером, стояла большая кровать, а напротив её мягкий и уютный диван, заваленный думками. По сути это была вторая комната.

Боб немедленно кинул свой рюкзак у кровати у окна.

– Эта моя.

Гусёна робко улыбнулась:

– Кай, ты не против, если я тоже у окна?

– Да ради Бога! Я вот тут, на этой кровати-сейнере.

– Это почему на сейнере? – благодарно улыбнулась Гусёна за то, что я не отправила в нишу Боба.

– Так она трёхспальная! – засмеялась я.

Боб прыгнул на свою кровать, растопырился, как лягушка, и простонал:

– Класс! У меня такой никогда не было.

Мы потратили полчаса, распахивая свои вещи по полкам шифоньера и деля «плечики». Только мы переобулись, как в номер постучали, и всплыла пышная дама, конечно же, в русском сарафане, который ей очень шёл. Голову украшал красивый платок, повязанный сзади. Она сочным альтом пропела:

– Поспешайте, гости-дорогие! Я сестра-хозяйка и горничная, – она положила на стол бумагу. – Это расписания трапез и экскурсий, в которых вы можете участвовать, при хорошей погоде. Завтрак через двадцать минут, Столовая-трапезная внизу на первом этаже.

– Постойте, а где же здесь все удобства? – прошептала Гусёна.

Пышка улыбнулась.

– У нас всё иначе. Душевые кабины и туалеты между номерами. Не волнуйтесь, для мужчин и женщин отдельные. У нас в кабинах специальные табуреточки есть для немощных. Мы все это стерилизуем каждый день. Учтите, у туалетов разовые стульчаки, там кнопочка есть. Разберётесь. Баня и сауна внизу.

Пышка выплыла, а мы, ошарашенные заявлением про табуреточки для немощных, так и не узнали, как её зовут. Боб неожиданно потребовал:

– Отвернитесь, я переоденусь к завтраку, – Мы с Гусёной отвернулись, скрывая улыбку, потому что Боб всегда ходил в джинсах, летом он носил майки, а зимой толстовки и джемперы. Уж чем он нас поразить собирался? Боб сердито обошёл нас и, сопя, сдёрнул джемпер с оленями на груди. Мы с Гусёной уставились на его поджарое, незагорелое тело. – Я видел, как вы улыбались. Думаете хилак?

– Дурак, – сказали мы хором с Гусёной.

Боб широко улыбнулся.

– Тогда оцените, – он натянул чёрную толстовку с красным кругом на животе и пылающей надписью Azino777.

– Это что? – воззрилась на него Гусёна.

– Выиграл в покер. Кстати, – он любовно погладил ноутбук, – здесь есть Интернет.

– В лесу? – засомневалась я.

– Ты в путёвку смотрела? Там код входа в Сеть.

– Боб, ты отдыхать приехал.

– Именно! Давайте наряжайтесь, нам надо хорошее впечатление произвести. Я пока в окно посмотрю.

Гусёна натянула голубую кофточку из поплина и пиджак, цвета маренго, чёрные туфельки, чёрные брючки и превратилась в изящную француженку. Я подумала и решила создать промежуточный вариант, нарядившись в джинсы и тунику синего цвета, расшитую

жёлтыми одуванчиками и голубыми васильками по подолу и рукавам. Следуя примеру Гусёны, я тоже надела чёрные туфельки, которые обожала, но без высоких каблуков. Боб благосклонно покивал нам, и в таком виде мы ввалились в местную столовку.

Она была просторной с высоким потолком, на котором сияли люстры из дерева и лампочками, вытянутыми как пламя свечи. Тяжёлые деревянные столы были большими, но заняты были только три стола и один был накрыт, видимо, для нас. Трапезная косила под кафе, но если номера в этом доме были прекрасны, то трапезная вызвала раздражение цветом. На окнах – каскады малиновых штор, столы покрыты скатертями с малиновой бахромой. Тяжёлые стулья с бархатными малиновки спинками и сидениями. На столах фарфор, хрусталь и серебро. Видимо здесь любили демонстрировать дороговизну отдыха.

– Вот это да! – пролепетала Гусёна. – Убила бы дизайнера за помпезность.

Милая девушка в сарафане и фартуком, подвязанным под грудью, провела нас к столу и, улыбаясь, проворковала:

– На время отдыха это будет ваш стол.

Под пристальными взглядами остальных отдыхающих мы расположились за столом, рассматривая наших соседей.

За столом, ближе всего к нам, сидело замечательное семейство: пышная матрона в длинной синей юбке и довольно нелепой пёстрой кофте с воланами, рядом сидел поджарый, как гончая, мужчина в светло-сером костюме и невероятно ярко-оранжевой рубаше, ужас его наряда довершал жёлтый шейный платок. Напротив них сидели мальчишки близнецы лет двенадцати в одинаковых серых джемперах и джинсах. Матрона от нашего рассматривания зарделась, мужчина нахмурился, а близнецы потупили глаза.

За вторым столом расположилась не менее примечательная компания. Женщина-вобла с чёрными кудрявыми волосами, выдающими её уже даже не бальзаковский возраст, хотя они были ухоженными и уложенными красивыми прядями, в трикотажном красном платье и длинном жемчужном ожерелье. Напротив неё сидел худощавый парень, почему-то подстриженный под горшок, с татуировкой на щеке – иероглиф «удача». Он был в чёрно-красной полосатой рубаше. Девушка в чёрном платье, с очень короткими, почти белыми волосами, черными губами и очень печальными карими глазами. Представительный мужчина с бородкой эспаньолкой, в чудесном, цвета сливочного масла твидовом костюме и шоколадной рубаше. Они смотрели на нас отстранённо без улыбок.

Самой удивительной была кампания за третьим столом, они шушукались, всё время трогали друг друга руками и были утомляюще ярко наряжены. Девушки блондинка и шатенка в чёрных брючках и ярких туниках из шелка, на шатенке преобладало сочетание ярко-фиолетового и жёлтого, а на блондинке – красного, синего и зелёного. Парни в джинсах и дорогих вязанных бежевых джемперах, оба были шатенами и различались только шейными платками. У одного он был голубой, а другого жёлтый.

– Вот это да! – прошептала Гусёна. – Мы здесь серые утицы.

– Только не ты, – прочирикал Боб, плотоядно осматривая стол, на котором уже стояли фарфоровые блюда с нарезкой сыров и колбас, а также красивое блюдо-поднос с восхитительно пахнущими, румяными сырниками.

Через пару минут перед каждым стояла каша (овсянка, которую я ненавижу) и пара варёных яиц.

Боб мёл всё молча, как будто до этого голодал несколько дней. Гусёна ела только кашу, она считала, что только так надо питаться по утрам, ну а я – сырники. Мы запивали эти яства, отлично сваренным кофе и соком.

Неожиданно матрона тонким голосом провозгласила:

– Давайте познакомимся! Ведь нам вместе отдыхать! Мы приехали все вчера, может, вы представитесь?

– А может Вы и начнёте? – с набитым ртом просипел Боб.

– Лучше бы вы начали, а мы с вами постепенно познакомимся, в процессе отдыха, – рассердилась Дама, её муж кашлянул, и она, порозовев, провозгласила, – но нам нечего скрывать. Меня зовут Клавдия Николаевна. Это мой муж Анатолий Александрович и сыновья – Коля и Толя.

Боб встал, поклонился и представился:

– Боб. Справа от меня Гусёна, слева – Кай.

– Странные имена, – проговорил один из парней сидящий с яркими девушками, откинул чуб. – Вот я – Серж, а что значит Боб? Борис?

Гусёна сморщила свой изящный носик.

– Серж, скажите, а у вас тут на лыжах катаются?

– Если они у вас есть, – проговорил парень в полосатой рубаше, и поклонился – Я – Владлен. Вам не повезло с погодой. Я слушал прогноз, так сегодня ожидается метель.

– Вот это да! – расстроилась Гусёна. – Я вчера смотрела прогноз на неделю, обещали солнечную погоду и лёгкий морозец не ниже минус десяти.

Представительный мужчина поклонился:

– Максим Максимович. Прогноз легко проверить. Вы, когда приехали, заметили, Пахомыч у ворот сидел и курил или в домике спал?

Гусёна, вспомнив сонное лицо сторожа, улыбнулась.

– В сторожке спал.

– Значит, будет весь день валить снег. Я не первый год здесь отдыхаю, и всегда удивлялся его способности, столь необычным образом реагировать на непогоду. Посмотрите в окно, вам не кажется, что снегопад усилился?

Все одновременно повернулись к окнам. Увы! Он оказался прав снег, валил крупными хлопьями, и заметно потемнело.

– О! Вовремя мы прошмыгнули, – Гусёна укоризненно взглянула на меня, но я не захотела поддержать беседу. Она бросилась в атаку. – А что же здесь делать, когда непогода?

Дама в красном скривилась и представилась:

– Я – Таисия Дмитриевна. Рекомендую посетить местные процедурные кабинеты, расписание на двери столовой.

Матрона всплеснула руками

– Здесь очень хорошо! Есть тренажёрный зал, бильярдная, кинозал, с великолепным набором весёлых и лёгких фильмов. Мы сегодня намерены посмотреть «Властелин колец». Присоединяйтесь.

– Да уж, – Серж презрительно выпятил губы. – Очень весёлый фильм. Вряд ли вы поклонники бильярда, но внизу есть игровая, там много настольных игр. Есть и карты, можно в покер сыграть. Хотя вряд ли вы играете.

Боб сердито запыхтел:

– Девчонки точно не будут. А может сразимся в компьютерные игры?

Владлен громко провозгласил:

– Я презираю геймеров! Они жалкие отрывки буржуазной культуры.

Лицо Боба вытянулось, но в отличие от обыкновенного он благоразумно промолчал. Я встала и убедительно проговорила.

– Переоденемся и в тренажёрный зал.

– Я вас догоню, – кивнул Боб.

В нашем номере, мы быстро переоделись, потом плюхнулись на диван и стали ждать Боба.

– Кай, ты почему всё время молчишь? Я просто надрывалась, чтобы быть любезной.

– Наблюдаю за теми, с кем будем отдыхать.

– И что скажешь, аналитик ты наш?

– Не сердись, нелегко отказаться от привычки рассматривать клиентов. Я, когда составляю букеты, стараюсь побольше узнать о заказчиков. Реже ошибаюсь. Видишь ли, мне на завтрак как-то было неуютно. Они все что-то изображают. Хотя семья, как семья, но мне кажется, главенствует в семье муж. Те, кто за столом, где Максим-Максимович, солянка сборная. А «попугайчикам-неразлучникам» мы не понравились, не понимаю почему.

– Вот это да! Здорово ты их назвала, точно попугайчики. Плюнь на них! Мы приехали отдыхать, и нам никто не сможет помешать. Природа, погода. Красота!

– Ага! – и я показала на окно, снег уже сплошной пеленой затянул окно.

В номер ввалился Боб и честно сообщил:

– Девчонки, я обожрался. Не обижайтесь, я вчера спал всего три часа. Буду спать, – с этими словами он стал сдирать с себя одежду, мы, улыбаясь, смотрели, как он в одних трусах прыгал вокруг кровати сдирая покрывало. Боб возмутился. – Ну что вы на меня уставились? На мне приличные чистые трусы.

Мы одновременно запулили в него пледом и думкой. Он счастливо улыбнулся.

– Ладно, у меня есть классная пижама. Уж, зачем я взял её, не знаю, но думаю, чтобы не смущать вас, – он рухнул на кровать, и спустя мгновение засопел, завернувшись в плед, из которого торчала только его встрёпанная голова и красные носки в чёрную полоску.

– Ну откуда у него такая тяга к полосатым носкам? – Гусёна покачала головой. Ведь всегда ходит в полосатых, как ребёнок.

– Мне кажется, что это что-то из детства. Видимо он тогда их был лишён.

– Ох! – Гусёна покраснела. – Пошли, не будем ему мешать.

Я долго смотрела ей в глаза, но, видимо, она не готова была к откровенности. Я направилась к двери, она, порозовев, едва слышно прошептала:

– Да, Кай! Да! Он очень мне нравится. Очень! Я после как мой отец, оказался мерзавцем, уже и надеяться перестала, что кто-то мне... в кого-то я... Кай! Он же всё время молчит! Даже когда мы с ним бываем только вдвоем... молчит, или про игры рассказывает. Ну как мне понять, кто я для него?

Я не знала, что ей ответить, да и какой из меня был советчик, если все сведения о любви я почерпнула из литературы и фильмов. Мужчин, описанных в романах, по-моему, в жизни не существовало, и я всякий раз удивлялась, как мои однокурсницы влюблялись, когда разглядывала объекты их тайной или явной страсти.

Теперь, когда я узнала о чувстве Гусёны к Бобу, то обрадовалась. Они были бы замечательной парой. Добрые, честные, очень одинокие и мечтающие о семье. Гусёна, конечно, по сравнению с Бобом была красавица, но, наверное, людей любят не за красоту, если она его полюбила. За что можно любить из романов было нельзя понять.

Однажды я даже провела сравнительный анализ мужчин, сражающих женщин наповал, и была ошеломлена полученными данными. Мужчин любили красивых и уродливых, верных и ветреных, честных и мерзавцев, богатых и бедных, трудяг и бездельников. Когда я к анализу добавила сказочные персонажи, то совсем растерялась. В сказках женщины любили высоких или карликов, сильных и хилых, смелых и трусливых, рыцарей и подонков.

Возможно поэтому, я вытолкала подругу на лестницу и прошептала ей:

– Как ты узнала что любишь? По каким признакам?

От моего напора Гусёна растерялась. Видимо она никогда не задавалась этим вопросом. Она шла и молчала. Мы почти дошли до тренажерного зала, который был чуть ли не в конце коридора первого этажа, когда она выдала:

– Хочу, чтобы он был рядом. Без него сердце останавливается и не бьётся, пока не увижу его.

Услышать такое от врача я не ожидала, но, увидев её лицо, поняла, что это правда. Он живёт в её сердце, вот поэтому-то она и не может без него.

– Что делать будешь?

Теперь она долго на меня смотрела, переваривая мой вопрос, потом улыбнулась и заявила:

– Буду сердце тренировать, – и толкнула дверь тренажёрного зала

Поговорить больше нам не удалось, мы были одни минут двадцать, потом в зал осторожно заглянула матрона в лиловом тренировочном костюме. Чуть задыхаясь, она проговорила.

– А это не опасно после завтрака так напрягаться?

– Надо калории сжечь, – проговорила Гусёна, вертя педали тренажёра.

– А вам-то зачем? – матрона неспешно пошла по пешеходной дорожке.

– Не только калории, – я решила поддержать Гусёну. – Гиподинамия.

Минут десять мы ещё поизмывались над организмами и отправились в свой номер. Захватив полотенца и халаты, забрались в душ, наслаждаясь его размерами. Вскоре мы последовали примеру Боба, и дремали на своих кроватях, завернувшись в пледы, под завывания ветра, которые были слышны даже через закрытое окно.

– Знаешь, я иначе представляла гостевые дома, – лениво проговорила я.

– Я тоже и теперь зауважала Боба, который считает, что отдыхать надо только на родных просторах. Ты хочешь поговорить о здешних красотах? – едва слышно прошептала Гусёна, и заснула.

На это я уже не смогла ответить, мой язык уже спал.

Глава третья

«Жизнь полна сюрпризов, и не только приятных»

Отчаянные домохозяйки

Я не знаю, сколько мы продремали, но все проснулись от женского визга, доносящегося из коридора. Боб поднял голову и сонно провещал:

– Вот это будильник. Мне бы такой домой, а то утром глаза не продрать, – мы опять стали проваливаться в сон, когда раздался опять визг. Боб сел и мрачно проворчал. – Чего же это такое произошло? Неужели кто-то увидел крысу?

Гусёна потянулась.

– Надеюсь, Кай защитит нас. Она – биолог. Это её работа.

– Утешай себя тем, что крыса сдохла от этого крика, – отмахнулась я.

Спать нам не дали, потому что в дверь постучали, и в комнату вошла наша Пышка.

– Обед!

– О господи, неужели мы спали три часа? – я ахнула.

Пышка покачала головой:

– Дорога, метель, и я слышала, вы были в тренажёрном зале. Не удивительно, что все заснули.

Боб, зевая, спросил:

– А кто там так кричал? Что-то серьёзное, или крысу увидели?

Пышка ахнула и сложила руки под фартуком.

– Да что вы! У нас нет крыс, – она горестно поджала губы. – У нас такое! Такое, что трудно описать. Кто-то мерзко и противно пошалил.

– Вот как? – Гусёна мгновенно проснулась и, выскочив из-под пледа, бросилась к тумбочке, выудила оттуда косметичку, достала пузырёк, что-то накапала в хрустальный бокал и подошла к Пышке. Посадила её и протянула бокал. – Выпейте! Это настойка пустырника. Рассказывайте! Я вижу, что Вы взволнованы.

Наша Пышка прижала руки к щекам, я давно не видела, чтобы женщина так делали, разве в фильмах. Пышка между тем трагически выдохнула:

– Свиная голова! Да-да-да! Кто-то в холл, прямо на стол, где ресéпшен, положил отрубленную свиную голову.

– Итальянская мафия?! – Боб подскочил. – У вас здесь кто-то закопал сундук с золотом?

Пышка расстроено запыхтела и встала:

– Да будет вам, какие сундуки? Здесь только современная мебель, кстати из натурального дерева.

– А что сторож говорит? – продолжал допрос Боб, а мы слегка удивились, почему это его так заинтересовало?

– Так он же спит, но никаких следов от ворот нет.

– А неужели нет никаких других способов попасть на эту территорию? – удивился Боб

– Есть, задняя калитка, но там всё завалено снегом. Ах! Танюша, которая отлучилась на минутку, когда вернулась, так перепугалась, и так кричала. Бедняга. Там всё пришлось отмыывать, – мы переглянулись, не зная, что говорить в таком случае, а Пышка, направились к двери. – Поторопитесь. В трапезной уже накрывают.

Боб рыкнул на нас:

– Отвернитесь.

В этот раз мы плюнули на все этикетки и оделись, как нам было удобно, то есть в джинсы и тонкие джемпера, которые отличались только цветом. Серый у Боба, синий и сиреневый у

меня с Гусёной. Мои друзья посмотрели на меня, переглянулись, и Боб решительно протянул мне щётку для волос.

– Вот что, причешись. У тебя башка, как будто ты на соломе валялась. Ты что, в самом деле, нас позоришь?

Я вздохнула и, громко стелая, стала расчёсывать волосы. Мне, в отличие от моих сестёр достались от предков медно-русые волосы, которые к тому же вились. Именно это обстоятельство не позволило мне их отращивать ниже плеч, потом в них образовывались колтуны, а если короче, то они вставали перпендикулярно к голове, и я становилась похожей на клоуна. В детстве мама решала проблему просто, она оставляла длину не больше сантиметра, но тогда, я становилась рыжей. Однажды, в какой-то затрапезной парикмахерской седая парикмахерша постригла меня так, что с тех пор они лежали, как после укладки. Мои сестры не верили мне, что это просто стрижка, но их обида, что я не рассказываю, где меня уложили, полностью меня отвратили от желания вертеться перед зеркалом. Я всегда делала только необходимое с лицом. Расчесаться, напудрить нос и покрасить губы.

Вот и теперь я всё это продела быстро, в результате Гусёна с благоговением прошептала:

– Что Бог дал, ничем не испортить.

– Отвали! Кто бы говорил? Я вот всегда завидовала твоему изяществу! Ты просто не видишь, как ты элегантна и креативна.

Гусёна покраснела и бросилась меня целовать. Боб растроганно шмыгнул носом и перед зеркалом попытался причесать свои лохмы. Безуспешно, конечно. Он по-хозяйски обнял нас за талии, и мы направились в столовую. Пришли мы последними.

Обед проходил в полном молчании. Мы употребляли восхитительный суп из сушёных белых грибов со сливками, бараньи почки под сметанным соусом с гречневой кашей. Пирог с капустой и яйцами, мы запивали густым компотом из сухофруктов. Все было таким вкусным, что ели, не торопясь, смакуя каждый кусок.

Неожиданно Максим Максимович звучно проговорил:

– Друзья, что вы думаете, об этом инциденте?

– А что мы можем думать? – нервно проговорил Серж. – Мы же ничего не знаем!

– Это чья-то месть! – выкрикнула одна из девушек-попугайчиков.

– Пустое! – отмахнулся Максим Максимович. – Если бы кому-то хотели отомстить, то ему бы отрезали голову, а не свинье.

Все хором охнули, а Боб захохотал:

– Вот это по-русски! Башку долой и с приветом.

– Нет, это не месть, а напоминание! – провозгласил Владлен. – Вот пример капиталистической морали!

– Даже животные способны мстить, если их обидели, – возразила я. – Уверяю, когда мартышки кидаются дерьмом, то они не думают о капитализме.

– Эх! Жалко мы не видели! – высказался один из близнецов, получил затрещину от отца и замолчал.

– А я предвижу, что скоро всё разъяснится, – проговорила дама-вобла, которая теперь была в элегантном малиновом платье. Приедет полиция, и всё разъяснится.

– Полиция? – хором вскричали «попугайчики-неразлучники», испуганно переглянувшись. – Зачем?

– Ерунда! – отмахнулся Максим Максимович. – Никто из-за такой глупости не будет вызывать полицию.

Переговариваясь, все вышли в холл и замерли, потому что двери распахнулись, и в холл ввалились четверо полицейских, настолько засыпанные снегом, что были похожи на снеговиков. Самый высокий стряхнул снег с непокрытой головы и пророкотал в пространство:

– Где владелица, или директор?

Все попятились, таким холодом потянуло от вошедших. Я немедленно потянула Гусёну и Боба за собой, чтобы не мешаться, и мы направились в игровую комнату. Обнаружив настольный футбол, я и Боб, принялись яростно сражаться. Гусёна, стоя на стуле, вопила и подбадривала нас. Вскоре в комнату вбежали близнецы и стали сверлить нас взглядами, мы уступили им игру и ушли в угол комнаты, усевших на удобные стулья вокруг карточного стола. Гусёна постучала по столу:

– Это очень, ну очень странное происшествие. А давайте поиграем в следствие?

В этом она вся, мы с Бобом переглянулись. Играть полагалось нам с Бобом, а она будет слушать и критиковать.

– Откуда у этой дамы столько бабла, что она построила целый санаторий? – проговорил Боб.

– Из девяностых, тогда делались состояния, – предположила я.

– О! – Боб поднял палец. – Думаешь, что эти менты, тьфу, полицейские – это её крыша?

– Из-за какой-то свиньи они потащились в такую даль? Нет, здесь что-то другое, – я, не соглашаясь с ним, покачала головой.

– Вот! Вот чего нам не хватает! Приключений! Класс! Суперприключение – «Тайна свиной головы», – всплеснула руками Гусёна.

– Не накаркай, – попыталась остановить её я.

– Но ведь интересно! Неужели из-за непогоды мы просидим в этом доме как старики?

– А давайте подслушаем! – подмигнул нам Боб. – Я заприметил кое-что на столе у этой на ресепшне. Убеждён, что она всё время подслушивает владелицу этого «Блаженства».

– Фи! – сморщила нос Гусёна. – Я передумала. Будем лениться изо всех сил. Пошли в бильярдную!

Я улыбнулась, наш генератор идей работал во всю мощь.

– Уверена?

– Только если вы согласны, – Гусёна робко улыбнулась.

Боб засмеялся и обнял её за плечи.

– Пойдём!

В бильярдной сражались парни «попугайчиков-неразлучников», мы сели на стулья у стены. Блондинка подошла к нам и представилась:

– Алина.

Шатенка кивнула нам издали.

– Марина. Вы не знаете, зачем приехала полиция?

Я пожалала плечами.

– Не знаем. Мы ушли, чтобы не мешать им. Наверное, вы тоже?

– Нет! Просто мы всегда в это время играем в бильярд, – Марина внимательно рассматривала нас. – Вам придётся подождать. Наши мальчики не любят менять привычки.

– Да ради Бога! – отмахнулся Боб. – Мы посмотрим.

– А правда Серж великолепен? – воскликнула Алина.

– Нет-нет! Анджей обыгрывает его, – возразила Марина.

– Вот это да! Анджей поляк? – поинтересовалась Гусёна.

– Нет, по паспорту, он Андрей, но ему нравится, когда его зовут Анджей. – Марина остро взглянула на неё – А зачем вам его национальность.

Гусёна смешалась, какие-то комплексы из детского прошлого, не позволяли нашей яркой Гусёне разговаривать с такими девицами, но не мне. Я не красавица, но выросла рядом с двумя красавицами-сёстрами, что позволило мне развить своё самоуважение до немислимых вершин. Именно поэтому я выпятила губы и хмыкнула.

– Глупости! Зачем нам его национальность? Просто удивила странная ненависть к собственному имени. Андрей – очень красивое имя. Оно означает «мужественный», «отважный».

– Почему ненависть? Люди должны чувствовать себя комфортно. Делать, что хотят, одеваться, как нравится, – Марина чуть нахмурилась. – Ведь не зря же ты вместо имени Екатерина, всем представляешься, как Кай.

– Я не Катерина, – я поёрзала на стуле. – И чувствую себя всегда комфортно со своим именем. Кстати моё полное имя Кайден, и оно даже не женское. А наши действия диктуются воспитанием.

Марина резко отвернулась и воскликнула:

– Давай, Анджей! Давай!

– Да что же ты орёшь под руку! – внезапно огрызнулся Анджей и, промазав, раздражённо бросил кий. – Из-за тебя проиграл. Разоралась, тут!

– Не кричи на меня! – взвизгнула Марина и замолчала.

В комнату вошёл незнакомый здоровенный парень, в джинсах и красивом вязаном шоколадном джемпере и джинсовой же куртке. Осмотрел нас и представился:

– Здравствуйте. Я – капитан Петров. У меня к вам всем один вопрос. Пока один.

Дальнейшее меня позабавило – «попугайчики-неразлучники» метнулись от него и встали так, чтобы между ними и им был бильярдный стол. Мы же не пошевелились. Судя по всему, капитан тоже это заметил. Он цепко осмотрел нас, на мгновение его брови взметнулись, но, не меняя выражения лица, он продолжил:

– Чья эта купюра? В смысле кто из вас держал её в руках? – и он извлёк тысячную купюру.

На лицах «попугайчиков» мелькали недоумение, интерес и почему-то страх. Парень молча ждал. Мы переглянулись, и Боб встал:

– Ну я, и что?

– Вы уверены? – капитан внимательно посмотрел на него.

– Да! – Боб засопел. – Там в углу зелёным фломастером написан иероглиф.

– Пройдёмте в соседнюю комнату и поговорим.

Мы вошли в игровую, близнецов уже не было. Капитан плотно закрыл дверь и кивком предложил нам пройти к карточному столу.

– Расскажите, как она к вам попала?

– Не, это не смогу, – помотал головой Боб, – я не помню.

– Хорошо, когда Вы ей расплатились?

– Нет, не расплатился. Мы, когда ехали сюда, по дороге встретили бабку, которую грабнули какие-то подонки, и я ей отдал эту тысячу.

Капитан озадачено посмотрел на него, потом на нас.

– Это было при вас?

Гусёна отважно бросилась на защиту Боба:

– Да что случилось-то?! Мы что не имеем права распоряжаться своими деньгами?! Не фальшивые же они были? Боб не помнит, но это деньги с его зарплаты. Не могли же в его организации платить фальшивками. Кстати они были последними.

Капитан угрюмо хмыкнул.

– А кто ещё видел, что вы отдали эти деньги бабке? Кроме вас.

Гусёна сжала руку Бобу и ответила сама:

– Таксист.

– Да. Он подтверждает это, – капитан поморщился, и тут впервые я обратила внимание на его волосы. Они были чёрного цвета с медным оттенком. Я даже не представляла, что такие бывают. Капитан фыркнул и отвернулся от меня.

– Или вы говорите всё, или мы уходим, – грозно проговорила Гусёна и приказала нам. – Нечего тут рассиживать!

– Её убили. В доме всё перевернули. Думаю, искали эту тысячу, но им и в голову не пришло, что она лежит в пластиковом пакете, на вешалке при входе, – парень хмыкнул.

И тут я всё поняла. Это – розыгрыш! Я засмеялась. Гусёна и Боб переглянулись и захихикали. Капитан фыркнул и положил перед нами на стол корочки. Боб немедленно принялся их изучать.

– Зря вы мне не верите! Это дело очень серьёзное. Дело в том, что это... хм... неразменная тысяча, – Боб сердито фыркнул, но капитан покачал головой. – Я не шучу. Баба прошла по трём магазинам, расплачиваясь во всех них за продукты. Сдача копилась, а тысяча возвращалась. Я в Передовом опросил трёх продавщиц, и они все запомнили эту тысячу, по этому иероглифу.

– Класс! – Боб весело хрюкнул. – Я такое читал у Стругацких, но там был неразменный пятак. Пойдите-пойдите! Неувязочка! Эта тысяча не вернулась ко мне!

– Конечно, потому что Вы – её создатель.

– Не верю! – отрезала Гусёна, потом предложила. – Надо провести эксперимент!

– Вы – просто генератор идей, – Капитан насмешливо улыбнулся, и мы обеспокоенно переглянулись, но тот спокойно взглянул на неё. – Какой? Я слушаю Вас. Предлагайте!

– Давайте закроем эту тысячу в сейфе у владелицы этого Гостевого дома. Если она вернётся к Вам, то мы поверим.

– Неразменные деньги так не работают, они возвращаются в момент покупки и передачи покупаемого продукта или товара.

– Мы всё равно не верим! – упорствовала Гусёна.

Капитан забрал удостоверение и, не говоря ни слова, вышел. Его отстранённое равнодушие меня взбесило, особенно то, что он, разговаривая со всеми, смотрел им в лицо, а меня упорно игнорировал. Поэтому я вскочила и чуть ли не бегом отправилась за ним. Было обидно и почему-то интересно. Опять возникло ощущение, что я в сказке, и, как в детстве, захотелось, чтобы она длилась и длилась.

В холле нас ожидала ещё одна новость. Капитан смотрел в окно, за которым завывала вьюга, а трое измученных ментов, в снегу и с красными лицами что-то говорили ему. Я подошла поближе, и опять разозлилась – капитан по-звериному повёл плечами, сообщив, что он чувствует моё присутствие, но не повернулся.

– А если мы все возьмём лопаты? – спросил он у одного из измученных полицейских.

– Нет, ничего не выйдет. Хорошо, что мы верёвку привязали к столбу ворот, не вернулись бы. Там ветер с ног валит. Даже не представлял, что такой бывает. Ведь не в степи мы. А главное там два дерева на дорогу повалило.

Раздался глухой удар, все замерли, а спустя несколько минут в холл ввалился весь в снегу Пахомыч.

– Вашему авто – хана, господа полицейские. Сосна на него упала.

– Аварийку можно вызвать? – угрюмо спросил капитан.

– Не проблема, но как она сюда доедет? Ну, я предупредил, а уж Вы решайте, – Пахомыч покашлял. – Метёт, как в степи. Давно такого не было.

– Пошли отсюда, – прошипела Гусёна, которая решила пасти меня.

– Ты что, интересно же! – также прошептала я и прикусила губу, потому что капитан странно повёл плечом. Я замерла, как мышка, перед котом.

Он отпустил сторожа.

– Спасибо. Идите. Вы правы, отсюда не выехать, – быстро обернулся и зло прошипел. – Вам интересно значит?

Не оборачиваясь, он направился в кабинет Тамары Витольдовны. Гусёна сердито толкнула меня:

– Вот зверюга! Всё услышал.

– Ну и ладно! Тоже мне, представитель власти. Пошли отсюда! – и вдруг в животе всё сжалось в комок, я поняла, что капитан из-за нас очень волновался и не знал, как нас защитить от чего-то.

Я такое уже переживала, когда вела разговор с родителями о принятом решении жить отдельно. Семья настороженно сидела на кухне, готовясь найти слова, которые могут мне помешать. У мамы горели щёки, сестры по-кошачьи шурились, готовые высказать разные гипотезы, почему я хочу жить отдельно, у отца побелели губы. Я, было, сначала взбесилась, неожиданно в животе что-то собралось в комок, и увидела это – тщательно скрываемую ими заботу обо мне и желание защитить. Я остановила разговор сразу:

– Господи, и я вас люблю, очень! Но я должна попробовать жить без постоянной опоры на вас. Я должна научиться.

Они тогда хором резко выдохнули, а отец проворчал:

– Кайдэн-Кайдэн! Ах, Кайдэн! Пробуй, малышка! Но помни, мы всегда рядом.

А сестры, вечно шпыняющие меня, бросились меня обнимать, а потом помогали собирать вещи. Только мама долго сердилась, поэтому первое время я ей постоянно звонила, пока она не отпустила меня в полёт под названием взрослая жизнь.

Это воспоминание меня ошеломило. Так почему этот капитан так тревожится? Неужели из-за этой мистики с деньгами?

Вышедший в холл Боб посмотрел на захлопнувшуюся за капитаном дверь, потом на меня и пробормотал:

– Это что с тобой? У тебя щеки горят, и челюсть выпячена, как будто драться собралась.

Гусёна тревожно заглянула мне в лицо и потащила нас к камину. Там никого не было, потом немедленно потребовала:

– Надо, пока здесь никого нет, обдумать эту мистику!

Мы сели так, чтобы видеть холл, не хотелось, чтобы слушали наш разговор. От огня шло мощное успокаивающее тепло. Боб угрюмо шмыгнул носом, и включил что-то на телефоне. Зазвучала музыка Майкла Олдфилда.

Мы с Гусёной переглянулись, это было показателем, что Боб готов к боевым действиям. Как-то я умудрилась на банановой кожуре растянуть ногу, тогда-то я и узнала, что они не похожи на других. Гусёна посадила меня в газон и кивнула Бобу.

– Нужен лёд и тугая повязка, и через три дня не останется последствий. Эх! Я должна уже идти на работу!

– Спокойно, я использую отгулы, – заявил Боб, врубил музыку Майкла Олдфилда и отправился в ближайшее кафе. Уж не знаю, как он договорился, но в пакете он принёс лёд и два полотенца, а потом оттащил меня на руках в такси и домой. Мне он сунул тогда в руки телефон и потребовал:

– Скажи начальнику, что гриппуешь и работу возмёшь на дом.

Мой шеф, выслушав меня, потребовал к завтрашнему дню две корзины цветов. Я согласилась и стала соображать, что придумать. Выслушав мои инструкции, Боб отправился к нам в магазин, приволок всё, что я сказала. А потом сопел, рассматривая, что я делаю. Из-за того, что я не могла отходить и смотреть, получалось обыденно и скучно.

– Нужно что-то необычное, – пробормотала я. – Привези мне что-нибудь не совместимое с цветами

Боб уехал в магазин. Скоро стол был завален разноцветной проволокой, шурупами, гвоздями, обрезками оргстекла, крохотными серебряными замочками и даже пружинами. Боб включил музыку. В результате корзины украсились скрученными из проволоки разноцветными шарами и сияющими, дрожащими пружинами. Боб сунул мне в руки чашку с чаем и увёз корзины к шефу. Через полчаса шеф позвонил и дрожащим голосом проговорил:

– Три дня твоих! Выздоровливай, Кай. Уж не знаю, как ты это делаешь, но клиент верещит от восторга. Да и мне понравилось, чрезвычайно. Это очень креативно! Не обидишься, если девчонки тоже будут использовать такой приём?

– Да ради Бога, лишь бы продавалось!

Меня тогда Боб удивил, он починил у меня дома электрочайник, а из подаренной мне на новоселье сёстрами электромясорубки соорудил мультиварку. В которой три дня готовил мне и себе каши и супы. Гусёна приносилась, обвешанная сетками с продуктами. Так мы прожили три дня совместно.

У меня в этой квартире был диван и два кресла. После взмаха руки Гусёны, Боб ринулся в бой, и кресла, которые и забыли, что они когда-то были кресло-кроватями, вернули перво-зданные в мебельном комбинате функции. Они стали такими удобными, что я предложила выложить все его изменения мебели в Сети. Боб сделал больше, он выложил это на каком-то специализированном сайте и, как, оказалось, заработал деньги.

После этого случая у меня и появилась вторая семья очень динамичная. Мы в любой момент объединялись, чтобы помочь друг другу.

Когда к Гусёне внезапно появился, когда-то испарившийся, пьяный отец, намереваясь навечно поселиться, то именно мы, с Бобом, а не Гусёна встретили его. Пьянчуга тогда пытался куражиться, что-то бормотал об алиментах, но я очень сухо потребовала, его паспорт. Для этого случая, я натянула чёрный английский костюм Гусёны, благо дело у нас с ней был один размер. Отец-беглец забеспокоился, а я спросила.

– Ведь у вас там есть отметка, о том, что Вы – отец, или бывший муж. Я с удовольствием посмотрю все документы, свидетельствующее об оплате Вами алиментов. Простите, что так официально, но мы сделаем процесс показательным. Борис, сфотографируйте его. Сделаем запрос в полиции.

Боб начал его фотографировать. Это доконало негодника, и он навсегда исчез из жизни Гусёны. Она только потом призналась, что этот тип жил с её матерью, не зарегистрировавшись, а когда сбежал от них, то вывез из дома все вещи, оставив в полном смысле пустую квартиру. Так мы научились не только жить в, так сказать, мирное время, но и быть готовыми к боевым действиям, защищая друг друга.

Теперь слова Гусёны меня подтолкнули к высказыванию мыслей вслух.

– Думайте, этот капитан не врал? Если это так, то это такое приключение, от которого всем станет тошно.

– Это почему? – удивилась Гусёна.

– Вы что, слепые что ли? Он же не хотел, нас в это вмешивать.

Для меня это было очевидным, но Боб, привыкший во всём сомневаться, возразил:

– Это как же ты определила? Я вот даже не могу толком описать его. Меня это очень тревожит. Такое со мной впервые. Девчонки, а из вас кто-нибудь запомнил его лицо?

Я, было, возмутилась, но потом растерялась.

– Странно. Я тоже лица не помню. Помню плечи и волосы медно-чёрные.

– Плечи, – хихикнула Гусёна, но потом вздохнула. – Уж не знаю, как он это устроил, но я запомнила только подбородок, квадратный, как у борца.

– Я и того меньше, – подвёл итог Боб, – запомнил только огромный перстень на правой руке, из какого-то чёрного камня. Ещё удивился, полицейский и перстень.

Я отмахнулась.

– Главное не это, давайте разберёмся с бабкой! Я ещё тогда удивилась, почему это она по лесу с авоськой шастает? Не грибы же зимой собирает? Прикиньте, мы подъехали в девять утра, значит, она вышла затемно? Зачем? И ещё! Как-то я с трудом представляю пьяных мордоротов, поджидающих старушек в заснеженном лесу.

К камину подошла семья Клавдии Николаевны, и мы отправились в бильярдную и уселись в уголке. У стола Серж и Анджей о чём-то бурно спорили. Гусёна продолжила:

– И Боб... он был, как опойный. Бабах! И ни с того ни с сего дал ей денег.

– Это ты брось! – остановила её я. – Он всегда нищим подаёт.

Лицо Гусёны вытянулось. Вот это да! Оказывается, она этого не знала. Всё! Сейчас начнётся, ведь Боб для неё не просто друг, хотя она это и скрывает зачем-то от него.

– А-а? – Гусёна не знала, как это спросить.

Боб хмыкнул, посмотрел на меня, потом на неё, и что-то решил для себя.

– А зачем это тебе знать?

Гусёна покраснела, потом побелела, губы у неё задрожали, и она просипела:

– Чтобы знать кого я... э-э... в смысле... э-э... с кем...

Больше она не могла выдать ни слова, а Боб смутился, и начал рассказывать, чуть дрожащим голосом:

– У меня был сложный период в жизни. Чтобы подзаработать, решил я через интернет продавать детали для компов. Я всё заранее разузнал и понял, что одному такое дело не потянуть, да и не разбираюсь я в финансах. Мы решили с приятелем фирму организовать. Пошли мы уже фирму официально оформлять и по дороге налетели на нищего, который в мусоре рылся. Мой друг на него шикнул, а дедок покраснел до слез. Мне жалко его стало, и я кинул ему свой кошелек, там и денег-то было триста или четыреста, но на хлеб и молоко хватит. А дедок говорит: «Помоги внучек до дому дойти!». Мой приятель стал орать, а я удивился, что у нас горит что ли? Уговорил его подождать часок.

Боб сморщился. Мы боялись его тронуть, такое страдание было на лице нашего друга. Он не рассказывал нам, как попал в детский дом, но как-то обмолвился, что когда-то жил с дедушкой и бабушкой. Боб вздохнул.

– Довёл я деда до дома и его бабке на руки сдал. А там такая нищета... Но бабка! Гордая! На стол последнее выставила и пригласила чаю попить. У меня с собой ноутбук был. Я сел пить чай и заказал им через интернет продукты, сразу же оплатил карточкой: курицу, какую-то крупу, молоко, хлеб. Вот тогда-то пока ждали продукты и узнали, что дед случайно в мусорное ведро свой кошелек выкинул, а ведро вынес на помойку. Только, через час спохватился. Эти старики не хотели, чтобы их за нищих приняли. Они посчитали, сколько я на продукты потратил, и стали мне отдавать по сотне в течение полугода. Больше не могли, пенсии маленькие, почти всё на лекарства уходило. Эх! Я к ним в гости приходил, сотню забирал и гостинцев оставлял, – Боб замолчал и уставился на то, как Серж кием по столу лупил и что-то доказывал Анджее.

Гусёна прошептала:

– А нищим почему подаёшь?

– От стариков, когда возвращался, на нищенку налетел, и последние деньги из кармана вывернул, пришлось пешком идти. Пришёл... м-да... короче, пока я мотался, приятеля моего там прямо и задержали. Аферистом он оказался, много таких, как я, лохов на их последние деньги развёл. Менты давно его искали. М-да... теперь я честный сисадмин, звёзд с неба не хватаю, но и не бедствую.

Гусёна вскочила и бросилась ему на шею, стала целовать в щеки. Я её понимаю, она вечно без денег и стреляет их у нас, потому что на свои деньги всегда что-то покупает в поликлинику. Боб изумлённо заглянул ей в глаза и застыл, держа её, как розу.

Я решила, что им надо поговорить без меня. Заметила, что играющие у стола смотрят на нас с изумлением, и не только это. Чтобы уточнить, подошла к бильярдному столу и тронула Сержа за плечо, тот с интересом воззрился на меня. Я улыбнулась.

– Научи меня играть!

– А почему не твой фрэнд?

– Мой фрэнд только в компьютерные игры играет.

Алина мгновенно подскочила к нам и прошипела:

– Отстань от него, он мой бойфренд!

Мои сразу насторожились, чтобы вовремя прийти на помощь, а я продолжила:

– Баба не стенка, можно отодвинуть, – по лицу Сержа разлилось блаженство. Он счёл, что начинается битва титанов за него дорогого. Вот кретин! Меня же заинтересовало совсем другое. Алина сжала кулаки, а я охладила её пыл. – Тем более таких, что в мокрых чулках шатаются.

Теперь все смотрели на ноги Алины, та вспыхнула:

– Я чаем облилась.

– Вот я и говорю, что облилась и не переоделась.

Алина дёрнула Сержа за руку, и они вышли из бильярдной. Я отправилась в наш номер, поразмышлять, зачем же эта девица на улицу в туфлях бегала? Не успела я налить кофе в чашку, как прискакали мои. Стали пить кофе и пожирать мою шоколадку. Боб отрапортовал:

– Мы посмотрели на ноги всех отдыхающих, у всех сухие. Кстати несколько номеров имеют выход на балкон.

– Быстро, – заметила я, – но всё равно непонятно. Вряд ли она свиную голову подкинула. Кстати, помните тот визг, так вот кричали двое в унисон. Можно узнать, кто там ещё был.

Гусёна и Боб немедленно отправились разнюхивать, а я завалилась на диван подремать. Свиная голова никому не могла принести вреда, Алина скорее всего действительно облилась чаем, но почему-то боится оставлять Сержа наедине со своими друзьями. Боб и Гусёна пусть побегают, это им поможет правильно разобраться в своих чувствах, а то только ходят друг вокруг друга и облизываются.

Глава четвёртая

«Не существует безвыходных ситуаций, лишних людей, случайных встреч и потерянного времени»

Валерио Альбисети

Меня разбудила Гусёна. Я всё-таки заснула.

– Пошли ужинать

– Не пойду – голова болит, – у меня было ощущение, что в голове медленно переливается от уха к уху ртуть.

– Ещё чего, у тебя она от голода болит. Будут беляши, я узнавала. Пошли! – непримиримо потребовала Гусёна.

Поразительно! Она лопаёт, как голодный тигр, но сохраняет изящество парижанки.

Ужин нас удивил. На столах стояли не только кувшины с соками, но графинчики с наливкой и с водкой. Да-а, это не санаторий – здесь нет моратория на алкоголь! В центре стола, стояло блюдо с пышущими жаром беляшами, а также блюдо с селёдкой, засыпанной кольцами лука. Перед каждым – сковородочка с жаренной картошкой и грибами. Появился ещё один накрытый стол, мы поняли, что это для полицейских, но их самих ещё не было, да и на столе стояли только приборы. Видимо их покормят, когда все уйдут. Как ни удивительно, но мои друзья на пустой стол даже не посмотрели, а рассматривали то, что накрыли нам.

– Вот это да! – в восхищении прошептала Гусёна.

– Учись! Вот так меня будешь кормить каждый вечер, – объявил Боб и гордо посмотрел на меня.

Я улыбнулась и подмигнула Гусёне.

– Правильно! А то ты кроме куриного супа ничего не варишь. А дети любят пирожки да плюшки.

Гусёна плюхнулась за стол, покраснев до корней волос.

– Дети?

– Конечно! Думаю, Боб расстареется на пару, тройку.

Боб радостно хрюкнул и с вожделением посмотрел на графинчик с водкой.

– Думаю, это нам надо обмыть. Кай, ты сегодня подушку на голову натяни. Я сегодня приступаю к выполнению супружеского долга.

И так у него это просто и чисто прозвучало, что Гусёна нежно улыбнулась в ответ и смело налила всем наливки. Боб задрал брови.

– А почему не водка?

– Спиртное плохо влияет на развитие детей.

Да-а! Это да! Впервые вижу смущённого Боба. Мы без тостов пили, заедая все беляшами, когда я почувствовала взгляд в спину. Замерла, а потом как бы случайно обернулась и увидела спину уходящего капитана. Что же он хотел спросить? Обнаружила, что никто, кроме меня его не заметил, и почему-то стало тревожно.

Закрывает глаза и кого-то, ну не знаю, Вселенную, Бога, или того, кто ведаёт судьбами, попросила: «Пусть у нас всё будет хорошо, а если и что-то коснётся нас, то пусть все будет нам во благо. Да! ». Поднатужилась, чтобы мысль дошла до самого верха и напомнила, что я впервые прошу для себя, а у ребят любовь, и рассердилась, что сама так и не встретила того, от которого мысли путаются. Потом подняла рюмку с наливкой и провозгласила:

– Пожалуйста, а за мной не заржавеет!

– Кай! Ты что? – шёпотом спросили одновременно Боб и Гусёна.

– А то, что я хочу, чтобы... – и замолчала, нельзя говорить это вслух, это же моё, так сказать, интимное общение со Вселенной, – чтобы было интересно. Отпуск у нас или что?

– Отпуск, – пролепетал Боб, – слышь, ты больше не пей этой наливки, ты вся... какая-то другая.

– Покраснела? – я потрогала щеки, вроде не горят.

– Нет! – задумчиво проговорила Гусёна. – Ты как невеста на картине Энди Ллойда.

– У той же волосы гладкие, – возразила я.

Боб засопел, листая что-то в телефоне, потом сообщил

– Точно, волосы собрать и... одно лицо. Как мы раньше тебя не видели?

– Внимание, – раздался голос Клавдии Николаевны. – Я приглашаю всех в кинозал смотреть фильм «Властелин колец».

Мы решили последовать её приглашению. В момент, когда хоббиты удирали от каких-то орков, сзади меня кто-то сел и принюхался. Низкий голос, со странными гортанными нотками пророкотал:

– Вам не кажется, что это странный Гостевой дом? Детей спаивают.

Я поджалась, потому что губы говорящего коснулись моего уха, и, потому что догадалась кто это.

– Прекратите! Мы не дети, и пили, потому что была причина, – едва слышно прошептала я.

– Оплакивали голову свиньи? – усмехнулся он.

– Не Ваше дело!

– Почему не моё? Моё! Сначала Вы благодетельствовали старуху, потом её кто-то убил, потом вас пытались напугать, а теперь напоили. Хотя и до этого вы вели себя странно, всяко-разно наряжались. Этот «попугай» размалёванный до сих пор со своей «попугаихой» ругается, а теперь обе «попугаихи» принарядились. Аж в глазах рябит.

– Да как Вы смеете?! Я в той же одежде, что и на обеде. Нам что, по-вашему, мешки и вериги надевать. К тому же у моих друзей... – я замолчала. Нечего ему рассказывать! К тому же мне казалось, что он меня обнимает. Вспомнив, что он весь день провёл с директрисой, решила его щёлкнуть по носу. – Я если и кокетничала, то на виду у всех, не то, что вы с директрисой на весь день запирались.

Я не поверила своим ушам, потому что услышала, как, не домашний кот, а огромный зверь заурчал, и, даже показалось, что обнял меня. Я нервно себя пощупала. Нет, он меня не обнимал.

Боб обернулся и спросил:

– Что ты всё время комментируешь? Заткнись и смотри.

Мне стало не по себе. Как это могло быть? Почему тот не так и не то услышал. Тигр сзади меня пророкотал, почти поцеловав в ухо:

– Откуда такая ревность?

Моей окаянности хватило, чтобы одёрнуть его:

– Глупости! Я в отличие от всех поняла, что Вы её крыша! Небось, она Вам там Вашу зарплату отсчитывала.

Что он сделал потом, я не могла и представить – он зло цапнул меня зубами за ухо. Я вместо того чтобы рассердиться чуть в обморок не упала, а он... он прошептал:

– Заслужили! Это за гадость, что Вы лягнули. Отсядем. Надо же Вашим друзьям потискаться.

И опять я не нашлась, что ответить, а этот тип утащил меня в самый дальний угол комнаты и, сев опять сзади, прошептал:

– Твои-то решились на совместную жизнь после того, как вы пили, или раньше?

– Нас отравили? – я перепугалась.

– Нет, у них не получилось, и я не понимаю почему? Чем пахла водка?

– Мы не пили водку, а только наливку. Я вообще только одну рюмку цедила. Я не очень люблю спиртное. Меня после него всегда на подвиги тянет. Я как-то в общаге нашему старосте нос расквасила за пошлый анекдот, а выпила-то всего пятьдесят грамм коньяка. Водку я вообще не пью, она противная. Но мне показалась наливка, как наливка, малиновая.

Он, касаясь моего уха губами, шепнул:

– Странно! Это что же, они забыли добавить ту пакость в ваш графин, или дозу не рассчитали? Хотя... Ваши друзья и не заметили, что мы отсели. Эх, как мне нужен Сашка! Ничего нельзя понять.

– Послушайте, а что же Вы ушами хлопаете? А что здесь всегда по вечерам водку подают? Вы, у этой, Вашей Тамары Витольдовны спросите?

– Не надо мне давать советы! – одёрнул он меня, потом опять пощекотал ухо губами. – Вы были у неё в кабинете?

– Откуда? Мы же простые отдыхающие.

– Понятно. Как же она это упустила? Она передо мной распиналась, что лично встречается с каждым гостем.

– Может, не успела?

– А может, не захотела, – и он пощипал мочку моего уха губами. – У неё необычный кабинет. Мне было бы интересно мнение простой отдыхающей.

Мне стало так интересно, что я простила ему эту вольность, тем более, что организму это понравилось.

– Знаете, я, когда ходила по нижнему этажу, то заметила по расположению дверей, что у неё кабинет очень большой, и даже подумала, что она ночует там, но потом решила, что это – глупость. Думаю, она живёт во флигеле. Хотя... может, в этот кабинет есть какие-то тайные входы... э-э... на случай настоящей полиции, а не «ментовской крыши».

Он немедленно опять укусил меня, вызвав приступ сердцебиения, а потом лизнул укус. Я была почти в обмороке, и как сквозь вату слушала его.

– Тамара Витольдовна обожает Фэн-шуй. Там всё под Китай, но всё новодел, – он говорил задумчиво, и я поняла, что он не мне сообщает, а размышляет вслух. – Хотя старинные вещи я там видел. У неё на столе зеркало Багуа. М-да... не понимаю... что же ей надо?

– Что-то я не слышала, чтобы зеркала в фэншуйе использовали?

– Ты просто мало жила на свете.

Я просто взбесилась, и прошипела:

– Тоже мне... пророк Моисей! Откуда менту знать про фэншуй?

– Туше! Но я тоже могу уколоть. Моя бывшая жена была помешана на фэншуйе. Мы даже женились по фэншуй.

Мне было любопытно... хм... и почему-то досадно.

– А почему бывшая? – спросила и испугалась, а вдруг у мужика драма?

– Какая же ты любопытная, мышь! Хотя... моя бывшая что-то секла. Я по всем статьям не подходил ей, и по фэншуйе тоже.

Его голос прозвучал печально, и мне стало стыдно.

– Простите меня, пожалуйста!

Он усмехнулся.

– Ты, детка, на меня хорошо действуюешь. Бодришь, как весенний ветер, он помолчал и озадаченно пробормотал, – весенний? О! Оказывается, вот что я тогда почувствовал! Хотя она моложавая не по годам, но вот что это было? Случайность или продуманный поступок.

Похоже, он не собирался мне ничего рассказывать, но я набралась нахальства и спросила:

– А зеркало старое?

– Тамара Витольдовна считает, что восемнадцатого века, но оно гораздо старше. Зеркало Багуа – это своеобразная линза, способная отражать негативную энергию и создавать поток

позитивной энергии. М-да... всё равно не подходит, должно быть... хм... второе... Должно быть, а я его не видел! Где же она его хранит, дурища? Уверен, что она знает всё про зеркало. Хотя... может она гораздо умнее, чем пыталась мне продемонстрировать, ведь не зря она так молодо выглядит. Да-а, что-то я проморгал! Но не мог же я спрашивать её об этом. Беда в том, что оно очень небольшое. Вот куда она его сунула?

Я немедленно выдвинула несколько гипотез:

– На окно, в сейф, может на полку в шкафу. Ведь на столе вы его не нашли. Она могла его замаскировать

– Хм... замаскировать? Ну не понимаю я этого! Зачем это надо делать?

– Оно же ценное! О! Кстати, а купюру в сейф положили?

– Уговорил Тамару Витольдовну запереть. Чуть не вытошнило, но уговорил, – с чувством выдавил он.

Я обмерла. Это что же он с ней трахался? Из-за какой-то тысячи? Мерзость какая! Как бы его назвать? О! Продажный мент! А что? Есть продажные женщины, а этот... гад... Он опять укусил меня и хрипло выдохнул.

– Надо мне отсюда срочно сваливать. Просто уже мочи нет терпеть. Может распогодится?

Мне стало худо почему-то. Я не хотела, чтобы он уезжал. Хотела, чтобы ещё раз укусил и не только в ухо. Он сердито зафырчал. Я прикусила губу и вперила взор в экран. Там хоббит и гномы обсуждали, как им покинуть Ривендейл.

– Зачем уходить, когда надо всё обсудить и продумать? – прошептала я, думая совсем не о гномах.

Капитан чуть тронул мою щеку кончиками пальцев.

– Долго же ты притворялась быть незаметной.

Уж не знаю почему, но это меня взбесило. С чего он решил, что я притворялась. Я всегда жила так, как считала нужным, особенно когда сёстры стали всё время обсуждать парней. Проведённый мною анализ, объекта сердечных томлений, в результате коего я так и не поняла, как же выбирать мужчину, я проанализировала и свои активы. Опять же используя литературу и фильмы. Единственно, что во мне могло привлечь мужчин были рыжеватые волосы, но по фильмам они должны были быть длинными, всё остальное во мне было среднестатистическим для моего возраста, поэтому я сразу решила не тратить силы на «боевую» окраску, на которую велись мужчины, полагая, что это лишнее.

Однако дома сестры всё время талдычили про макияж, Гусёна велела причесаться иначе, и этот туда же. К тому же он так отдёргнул руку, как будто я была чем-то намазана. Я, плюнув, что нас могут увидеть и все не так истолковать, повернулась к нему и прошипела в лицо:

– За то Вы заметный. Ну просто ангел во плоти! Да-да! Вам крылья не мешают? А главное, как Вы благородны! И с директрисой потрахались, и меня беседы удостоили. Так фиг Вам! Не удастся уехать! Метель! Вы уж не стесняйтесь, отдохните здесь душой и телом. Вон сколько здесь девочек ярких. Пр продемонстрируйте самость!

На экране происходили какие-то очень яркие события, освещая комнату почти дневным светом, и я обнаружила, что у капитана жёлтые, волчьи глаза. Гусёна была права и челюсть, квадратная, и всё его лицо матушка природа вырубала топором, не то, что современных кавайных мальчиков. Современной красотой там и не пахло, оно было каким-то... первобытным что ли? Ему бы топор в руки и нож в зубы, и было бы самое то.

Я ожидала какой-то реакции, и она незамедлительно подействовала, он вытаращил свои глазщи, согнулся пополам и укусил себя за колено. Увы, мне потребовалась секунда, чтобы понять, что он так сдерживал смех. Стало обидно до слез, а он цапнул меня за руку и вытащил меня из зала. Прижав к стенке, выдохнул:

– Это не я, а ты со своими друзьями все время демонстрируешь самость.

Этого я не могла спустить.

– Я?! Мы? Да мы просто решили покататься на лыжах. Здесь лес и снег, и никто не знал, что такая будет погода.

– А почему только две пары лыж? Тысяча эта опять же.

Это меня просто взбесило.

– Да что Вы привязались со своей тысячей?!

– А то, что из-за неё убили человека, – прорычал он и потом в ухо прошептал, – а почему ты причесалась иначе?

– Да пошёл ты! – нет, он меня определённо бесит.

Я вернулась в зал и плюхнулась рядом с Гусёной, она встрепелась:

– Он приставал?

– Да задрал он своей тысячей!

Вышла из зала и отправилась спать. В душ не полезла, хотелось оставить ощущение его губ на ухе. Долго ворочалась, из памяти не выходили его губы у моего уха и его укусы, которые крайне обеспокоили мой организм. Утомила от пустых размышлений на тему «Что это было?».

Проснулась от знакомых по фильмам стонов и охов. Навалила на голову подушку и продолжила спать.

Утром, Когда Боб и Гусёна ещё спали, я протянула между двумя шкафами два ремня от рюкзака Боба, и повесила на них оба покрывала с кровати новобрачных. Обойдутся без них. Для них теперь главное – это ночной комфорт.

Боб, проснувшийся от моего пыхтения, засмеялся, и спустя пару минут помогал закрепить покрывала так, что они стали естественным украшением комнаты. Гусёна ленилась, но попросила меня бросить им пару пледов с дивана. Когда спустя десять минут к нам заглянула Пышка, то она всплеснула руками, а Боб, вручив ей пятьсот рублей, попросил:

– Вы не говорите Тамаре Витольдовне. Мы перед отъездом всё вернём на место. Мы, когда заезжали, нам сказали, что остались только четырёхместные номера. Вот мы и благоустраиваемся.

– Да уж ладно, не скажу. Вы поторопитесь. Сегодня завтрак очень хорош. Наш повар – Юлечка расстаралась. Запеканка просто объеденье!

Мы сбегали в душ, я назло себе, ну и чтобы капитана озадачить, вытянула волосы, и собрала их в узел на темени. Гусёна немедленно принялась мне невидимками закреплять эту конструкцию. В результате все мои кудри расположились на затылке. Сама она до блеска расчесала свои волосы, а Боб даже постарался пригладить вихры с помощью какого-то лосьона.

– Вот! У нас появился светский лоск, – объявил Боб, – но надо его чуть-чуть заглушить.

Мы натянули джинсы и толстовки с пандой, у всех одинаковые, потому что купили на распродаже, и отправились вниз.

Увы! Мы оказались не оригинальными, почти все дамы причесались иначе: зачесали волосы на один бок. Наша матрона к тому же повязала голову ярко-красным платком с бантом на левой стороне.

– Это что они все ударились в асимметрию? – спросила я шёпотом Гусёну.

– Видимо им понравилось, как ты вчера причесалась.

– Я?! Постой-постой! Я же тогда на самом деле назад зачесалась! – попыталась возразить я.

– А вот и нет! Твои волосы, без невидимок не держатся, и вечно на одну сторону съезжают. Думаешь, почему я столько невидимок на твою голову потратила? Вчера твоя причёска их ошарашила. Мы вообще здесь самые-самые! – усмехнулась Гусёна и гордо прошествовала к столу.

Мне хотелось пригнуться под очередными стреляющими в нашу сторону глаз. Боб же откровенно рассматривал всех и дарил улыбки направо и налево. Он был таким умиротворённым

и выпавшимся, что почти все улыбались ему в ответ, кроме «попугайчиков-неразлучников». Не понимаю, за что они нас невзлюбили? «Попугаихи» сморщили носы и отвернулись, а их партнёры неодобрительно рассматривали наши толстовки.

Завтрак был сказочным: в центре каждого стола стояло большое фарфоровое блюдо с жареными пирожками.

– Пирожки с ливером, – поделился с нами информацией один из близнецов.

– Класс! – выдохнул Боб.

– А кофе умопомрачительный! – Максим Максимович видимо от восторга закатил глаза к потолку.

Перед каждым стояла белоснежная тарелка с творожной запеканкой, залитая малиновым желе, а в центре стола гордо красовался хрустальный двухлитровый кувшин с клюквенным морсом, судя по цвету. Около него толпились хрустальные фужеры. На плоском блюде лежали красиво нарезанные свежие яблоки и груши. Больше всего потрясал серебряный поднос, на котором стоял серебряный же кофейник в окружении крохотных почти прозрачных чашечек из фарфора, и серебряный кувшинчик со сливками.

Боб только открыл рот, чтобы прокомментировать это роскошество, как раздался истошный вопль.

– Убили-и!

Глава пятая

«Как показывает опыт, неприятности на голову сваливаются неожиданно».

Алексей Пехов

Мы переглянулись. Это уже ни в какие рамки не лезло! Видимо так подумали все, потому что женщина-вобла, теперь она была в бардовом платье с кремовой шалью на плечах, возопила:

– Да что же это такое! Ведь сорок тысяч заплатили, а здесь всё время какие-то ужасы. Кого теперь уколошили?

Максим Максимович, сегодня в джемпере и вельветовых штанах бежевого цвета, укоризненно пророкотал:

– Таисия Дмитриевна, голубушка! Побойтесь Бога! Ну, хоть, Вы то, не давайте волю словам! Может там очередная свинья голова.

Боб, давась пирожками от торопливости, просипел:

– Девчонки! Как классно у нас отпуск проходит. Сплошные приключения. Настоящий медовый месяц! Будет, что вспомнить.

Гусёна, просиявшая от его слов, прошептала:

– Кай! Он прав. Это просто невероятно! И любимый человек, и приключение, и зима. После этих слов мы посмотрели в окно. Снег продолжал падать, но не как вчера, а как в мультике. Снежинки долго парили в воздухе, пока не опускались на землю. Мы взглянули на Боба, тот поглощал пирожки со скоростью уборочного комбайна. Гусёна угрюмо усмехнулась.

– Он обожрётся. Кай, ты как хочешь, а мы поедем кататься на лыжах, – немного покраснела и добавила. – Думаю это лучше, чем здесь толкаться и мешать этим... полицейским.

В этом вся Гусёна. Эх! Если бы приезжие менты знали, что им достаточно было только намекнуть, и неистовая Гусёна, как заправский Шерлок Холмс, уже рожала бы гипотезы и расспрашивала отдыхающих. Увы! Эти типы считали себя самыми умными. Вспомнила взгляды, которые бросал на меня этот «Кънан-варвар» и... согласилась с оещением Гусёны:

– Давайте, а я пойду дорожки чистить. Надо же потратить эти пирожки.

В это время в обеденный зал вошёл капитан, окинул всех сумрачным взглядом и пророкотал:

– Никто никуда не уходит! Сейчас, я буду вызывать каждого и опрашивать.

Максим Максимович приподнялся и провозгласил:

– А что собственно произошло, любезный?

Капитан осмотрел его с ног до головы, и сухо сообщил:

– Я не любезный, а капитан. Обращаться можно господин капитан.

– Лю... – Максим Максимович поперхнулся, – простите, господин капитан, а можно без формальностей?

– Нельзя, убили человека.

– Кого? – пролепетала Таисия Дмитриевна и завернулась в шаль.

– Тамару Витольдовну. Убили и ограбили. Поэтому будет и опрос, и осмотр вещей.

– Не имеете права! – ахнула Таисия Дмитриевна.

– Мы уже вызвали бригаду, они привезут разрешение на досмотр вещей, – капитан угрюмо посмотрел на неё. – Через пару часов они приедут. Пока я прошу всех не покидать пределы Гостевого дома.

– Да пока вы здесь ковыряетесь, убийца чешет в Сызрань на вокзал, – выкрикнул Владлен. – Эх! Одно слово – менты. Уже второе убийство, а вы все телепаетесь. Вот, что значит буржуазная мораль!

– Господа отдыхающие, я буду сидеть вон там у окна. Пожалуйста, подходите по одному.

Все притихли, и даже близнецы не шушукались, видимо из-за того, что все пытались прислушаться. Увы! Слышно было только невнятное бормотание. Отходившие от капитана были необыкновенно молчаливыми и немедленно покидали обеденный зал. Боб вышел из столовой и вернулся озадаченным

– Уж не знаю, чем он их запугал, но все они метнулись по своим номерам.

– А как же процедуры? – пробормотала Гусёна.

– А все процедуры начинаются с одиннадцати часов. Я тоже после допроса пройду по процедурам, – буркнула я.

– Тогда и мы тоже, пойдём на ароматерапию и отоспимся, – буркнул Боб, осмотрелся и возмутился. – Э? Мы что, почти последние пойдём? Не люблю со времен студенчества. Не хотел я после «попугайчиков»

К нам подошёл капитан и осмотрел нас плотоядным взглядом.

– Ну а теперь ты, мальчик-мажор.

Боб приосанился, его впервые приняли за мажора. Когда через пять минут он вернулся, то выглядел озадаченным. Он уставился на меня:

– Кай, а почему ты согласилась на эту поездку? Ты же не любишь лыжи!

– Здесь дёшево, лес, да и ты мечтал о лыжах. Я хотела в отпуск с вами.

– Действительно, – он был смущён, – что этот капитан привязался?

Гусёна ойкнула, потому что капитан поманил её, вернулась она ещё быстрее и задумчиво прошептала:

– Кай, а почему... нет-нет... а сколько тебе лет?

– Двадцать пять, а что?

И тут она меня ошарашила.

– Действительно соплюшка.

– Что?!

– А то, что капитан прав, мы друг друга совершенно не знаем.

– Это почему?! – возмутился Боб. – Неужели из-за того, что мы старше её на десять лет?

– Вам по тридцать пять?! – я была потрясена. – Хорошо сохранились.

– Мне тридцать три, – возразила Гусёна и задрала своё точёный носик.

Боб добродушно усмехнулся.

– Да моложе ты меня! Моложе... и не опытнее. Я что, ночью не понял, что ли?

Мы с Гусёной ахнули. Ну что за гад?! При всех! Мы затравленно оглянулись, но за соседним столом «попугайчики» перешёптывались, им было не до нас. Боб засмутился, взял Гусёну за руку, и они выпали из действительности. Я всё ждала, когда меня вызовут на допрос, но меня всё игнорировали и игнорировали. Боб стал зевать. Я предложила:

– Валите на процедуры! Кстати там есть какой-то фитнесон.

Они, кивнув, ушли, а из угла послышался вопль. Я провернулась. Таисия Дмитриевна махала руками, как летучая мышь, и лепетала:

– Не имеет права. Не имеете права!

– Прекратите, – холодно одёрнул её Капитан. – Вас видели в коридоре. Мне нужны Ваши показания.

– У меня слабый мочевого пузырь! Вы не так поняли. Я же случайно увидела!

– Кого же Вы видели? Только без эмоций и очень тихо.

И опять тихое бормотание. Вскоре все были отпущены, кроме меня. Капитан подошёл ко мне и сел напротив.

– Ну-с, пора с тобой разобраться! Ты, мышка, можешь меня звать Конрад.

Мышку я не собиралась спускать.

– Что за странное желание свои имена переделывать на иностранный манер?! Попугай эти, один Сержем себя величает второй – Анджеем. Положим они – совершенные придурки. Но вы-то полицейский! Зачем Вы-то имя Кондрат переделать на иностранный манер?

– Ты ошибаешься,мышь. Это имя, которое мне дали при рождении.

– А Вы знаете, что оно означает? – пусть не думает, что он самый умный.

– Знаю, защитник. Кстати, я знаю, что означает и твоё.

Меня он удивил, никто из моих знакомых, ну кроме Гусёны и Боба не интересовались моим именем. Почему он этим заинтересовался? Он сел так, чтобы я видела его целиком. Ему важно видеть меня, или важно, чтобы я видела его? Он неожиданно взял мои руки в свои. У меня от этого простого действия внутри всё поджалось. Он отдёргнул руки и расстегнул браслет часов. Надо мне, наконец-то, прекратить молчать, и я смело проблеяла:

– Ну, спрашивайте. Я готова, – и оглянулась на Боба.

Он провёл рукой по своим волосам и сердито заявил мне:

– А ты ничего не знаешь,мышь. В этом плане ты мне не интересна.

Странно на что же он разозлился? Неужели на то, что я оглянулась на Боба. Подумать только, какой собственник.

Капитан отодвинулся и отвернулся от меня. Ну вот, этот тип, который ещё вчера кусал моё ухо, прямо сказал, что я ему не интересна. Да что во мне не так? О сам-то тоже не модная модель. Хотя, здоров мужик. Ох и здоров! Я взглянула ему в глаза и удивилась, они мерцали, как янтарь под солнцем, к тому же он, по-моему, спрятал усмешку. Он смеётся надо мной? Ярость затопила меня.

– Хотите поспорить? – он открыто улыбнулся и выгнул бровь. Я бросилась в атаку. – Я с ребятами раньше Вас раскрою это преступление.

– Неужели?

– Да!

Он прищурился и протянул руку.

– Что? – я уставилась на руку.

– Ты же собиралась спорить,мышь?

– Да! Собралась! Спорю! А кто разобьёт наш спор?

Он гибко обернулся и увидел заглянувшую в обеденный зал девушку в чёрном. Он помянул её.

– Ольга Николаевна! Душечка! Разбейте наши руки. Мы поспорили. Пожалуйста!

Она, ничего не спрашивая, улыбнулась и стукнула ребром ладони по нашим сцепленным рукам. Я показала капитану язык и отправилась на процедуры. В бочко-лечебнице меня встретила пышная дама в русском сарафане, которая поинтересовалась:

– Детка, ты полечиться хочешь, или просто насладиться?

– О! Конечно, насладиться! – за спиной раздалось хмыканье. Я резко обернулась, меня с интересом рассматривал капитан. Ну, невозможный человек! – Я что, не могу процедуры проходить?

– А я к Людмиле Георгиевне.

Медсестра дружелюбно улыбнулась ему.

– Да! Я слушаю Вас.

– Вы ведь ведёте записи, о времени посещения всех, кто у Вас бывает?

– Конечно. Мы здесь принимаем до часу ночи.

– У Вас так поздно приходят?

– Не все. Вот Максим Максимович, в двенадцать ночи, всегда принимает расслабляющие ванны, у него ужасная бессонница. А он что же, не сказал?

– Сказал, но я хотел уточнить время. Спасибо, – капитан осмотрел меня с ног до головы, фыркнул и ушёл.

– Нет, вы видели, каков гусь? – я кипела от возмущения и раздевалась, уже сидя в бочке, я продолжала возмущаться. – Он даже не спросил, кого Вы ещё видели?

Толстуха вздохнула.

– Ну видела я, и что? Вчера эта, семейная припёрлась, тоже ночью. Он-то здесь, уже пять дней, а она с детьми только позавчера приехала.

– Хотела похудеть?

– Нет, спину полечить. У неё мужик странный – заставляет жрать и толстеть. Прикинь, как дети засыпает, так он её дрючит, наяживает. Вот, когда он заснул, она сюда и прибежала. Я уже и спать собралась, ведь время полвторого ночи, но она уж очень просила. А почему не помочь? Ведь, у меня рабочий день с одиннадцати начинается.

– А долго в бочке сидела?

– Нет, максимум минут двадцать, потому что торопилась. У неё мужик в три ночи просыпается и опять её дрючит. Она всё жаловалась. Говорит, что он здесь совсем осатанел. Дома он – раз в неделю, а здесь им номер хороший достался, двухкомнатный. Дети спят в отдельной комнате. Вот он её и наяживает. Видно дома боится, что они их услышат. Всё, вылезь! Для первого раза хватит. Время надо увеличивать постепенно.

– Скажите, а Вы из того профилактория? Ну который закрыли на карантин.

– Нет, детка, я всегда здесь работала. Меня Тамара Витольдовна пригласила. Мы с ней очень дальние родственницы. Она хорошо платит.

Если я не ошиблась, то персонал гостевого дома довольно равнодушно отнёсся к убийству. Это означало только одно, владелицу недолюбливали, если не сказать больше. Я вылезла, оделась и отправилась в парикмахерскую. Я очень боялась, что после бочки у меня волосы дыбом. Она была рядом, а на двери красовалась табличка «Цирюльня». Полноватый парень, заинтересовался:

– Что желаете?

– Постричься.

– А как?

Я хотела развить мысль и услышала знакомое хмыканье. А этот что сюда припёрся?

– И зачем Вы здесь?

– Пришёл посмотреть, как ты,мышь, намерена себя изуродовать?

Я повернулась к цирюльнику.

– Меня налысо.

Капитан немедленно добавил:

– Везде.

Бедный парикмахер покраснел:

– Нет, мы таким не занимаемся.

– Гад!

Я вылетела из цирюльни под язвительный смех капитана и замерла. Нет, не следил он за мной, а пришёл по своим делам. Меня же он, как ребёнка, обвёл вокруг пальца, чтобы спор выиграть. Я немедленно приникла ухом к замочной скважине. Вопрос капитана я не слышала, слишком долго соображала, но ответ парикмахера меня озадачил.

– Конечно! Каждую ночь. Видите ли, Тамара Витольдовна вкручивала всем, что у неё натуральные кудри.

– Странно, она же была немолодой и неглупой женщиной.

– Именно, немолодой, – парикмахер тяжело вздохнул. – Очень немолодой, а верила во всякую чушь. Ей кто-то насвистел, что если она на рассвете будет без причёски, то страшно умрёт. Так в одиннадцать, она ложилась спать, а в три ночи я приходил к ней и делал причёску и всё такое прочее, – парикмахер смущенно захихикал.

– Неужели? Парень, ведь тебе не более тридцати, а ей далеко за пятьдесят.

– Вообще-то пятьдесят восемь, но она была пылкая и изобретательная.

– Ах вот зачем там эти растяжки!

– Да-да, очень она это любила.

Я чуть не задохнулась от удивления, и, видимо, не одна я, потому что капитан возопил:

– О времена, о нравы! Ладно, главное, что в три ночи Тамара Витольдовна была жива.

– В четыре утра, если точно. Очень она в этот раз была ненасытная. Я едва уполз от неё. Думал, что всё, проклятая баба меня заездит, но, слава Богу, её дурацкие часы начали звонить, и она меня отпустила.

Услышав приближающие шаги, я понеслась по коридору в сторону ресёпшена. Там Танюша в идиотском кокошнике, высунув от непосильных умственных усилий язык, раскладывала пасьянс.

– Простите, Таня. Можно мне спросить, а какие часы были в кабинете Татьяны Витольдовны.

– О! Ненавистные!! – меня повергло в изумление столь сильное выражение эмоций. Татьяна, сжав кулаки, потрясла ими. – Они били, каждые четыре часа. Мерзко так. Бом-ха-ха. Бом-ха-ха. Хорошо, что эти гадкие ворюги их сломали.

Надо было немедленно отвлечь её, а то скоро здесь будет капитан.

– Они мешали Вам спать?

– Нет! Я живу во флигеле. Эх! Жаль, что баллов по ЕГЭ не хватило туда, куда я хотела. Вот тётка и уговорила поработать до следующего года у неё. Я и раньше подрабатывала на каникулах в профилактории.

– А что за болезнь там случилась? Нет мы слышали, но в сомнении.

– А все в сомнении. Это же надо, дизентерия! Представляете? Зимой! Раньше бы пронесло, у неё все были в кулаке, но в этот раз там жена какой-то шишки заболела. Вот она и пригласила всех сюда. Она раньше только каких-то особенных гостей сюда приглашала. Кто попало, сюда не попадал.

– Это мы кто попало? А это ничего, что путёвка стоит сорок тысяч?

– Ха, чтобы жить здесь гости по шестьдесят, семьдесят тысяч отдавали.

Я оглянулась, капитана всё ещё не было.

– А как сломали часы в кабинете?

– О! Это – умора! У них отломали и утащили маятник.

– Он что, золотой был?

– Нет! Но он был прикольный. В центре маятника было зеркало. Но оно было какое-то кривое. Тётка вообще западала по старым зеркалам. А, по-моему, лучше хорошее новое, чем такое, в котором ничего не отражается нормально. Я вот думаю, что может тётка не хотела на себя смотреть? Хотя она хвалилась, что эти зеркала кто-то подарил Екатерине Второй. Да та их не любила, а после революции они пропали. А отец тётки их купил во время блокады Ленинграда, – Татьяна пригорюнилась. – Грабители какие-то тупые, почему-то второе зеркало не украли. Тётка говорила, что по одному такое зеркало держать в доме опасно.

– А полиция спрашивала про зеркала?

– Нет, их волновали только пропавшие драгоценности и деньги из сейфа и какой-то артефакт.

– Артефакт?

Татьяна понизила голос?

– Да! Я сама слышала, как этот с жёлтыми глазищами кому-то говорил по телефону, что группа нужна, так как у них безвыходное положение и к тому же пропал ценный артефакт.

Я услышала чьи-то шаги в холле и немедленно сменила тему:

– А в лесу есть дорожки?

– Да вы что?! Ведь вторые сутки валит снег. Вы там по пояс утонете, даже на тропинке, а если сойдёте с неё, можете и в овраг провалиться.

– А нет ли у вас валенок? Я бы с удовольствием в них погуляла.

– Валенки есть только у Пахомыча, но они как лыжи для Вас будут. Он носит сорок седьмой размер.

– Жаль, я уже обалдела от сидения в доме. Надо хоть вокруг вашего дома обойти.

Я походила по дому. Пусто. В крыле, где были процедуры, кто-то пыхтел и потел. Заглянула в наш номер, ребят ещё не было. Тогда я нарядилась в лыжный костюм Гусёны. Удивляясь, как так получается, мы с ней одного роста и размера, а она выглядит хрупкой и изящной, а я – как пловчиха. Натянула высокие сапоги на шнуровке. Я их купила для себя, но Гусёна отняла, сказав, что мне пора научиться ходить на каблуках.

Во дворе я чуть не завизжала от восторга. Снег всё ещё шёл, но снежинки, слепившись по двое, кружились в странном хороводе, не столько падая, сколько порхая над землёй. Небо жемчужно-серого цвета подчёркивало зыбкую красоту этого балета. Проваливаясь по колено, я добрела до калитки за домом и вышла за забор.

Чёрные высокие вязы нервно подёргивали ветвями, и их стволы матово поблёскивали. На некоторых ветках сидели снегири, раздувшиеся от холода и похожие на мандарины. Сосны иногда стряхивали снег с зелёных лап, и тогда начиналась маленькая метель. Я брела от сосны к сосне, и ловила ртом снежинки. Обнаружив, что я, почти не проваливаясь, поняла, что бреду по тропинке. Когда я нашла цепочку беличьих следов, то пошла вдоль них, в надежде увидеть этих белок. У невысокой пушистой сосенки я села на корточки и затаилась, надеясь, что белки перестанут пугаться и придут. Мне показалось, что я слышу чьё-то дыхание. Я замерла, решив, что мне повезло, и это лисица, и... погрузилась в темноту.

Очнулась на руках капитана, который бороздил снег в сторону дома и ругался сквозь зубы. Ругательства были странными, некоторые я узнала, но другие были на чужом и неизвестном мне языке. Я обняла его за шею, но только для того, чтобы не упасть, голова кружилась, и тихо спросила:

– А что случилось-то?

– А то, что не надо лезть, куда попало!

Опять! Опять он меня унижает! Я забарахталась, чтобы встать, и он немедленно меня вставил в сугроб, в котором я застряла.

– Удобно?

– Я не какая-то белка, чтобы не проваливаться!

Его глаза сверкнули.

– Да-а! Как же я забыл, что ты боевая белка?

О! Меня повысили, до этого я была мышью.

– Ты зачем лезешь? Я тебя нашёл под сосенкой, уже и снегом засыпанной.

– А кто меня?

– Не знаю. Больше следов я не видел. Кто-то шёл за тобой след в след.

– Неужели, а это что? – я ткнула, в след, которым кто-то оставил параллельно нашим. – Смотрите. Это валенки Пахомыча.

– Пахомыч спит, – буркнул он, – настороженно оглядываясь и прислушиваясь.

– Конрад, Татьяна с ресёпшена сказала, что Пахомыч отдаёт валенки любому на прокат.

– Надо же! Взяла и всё рассказала мне. Так ты проспоришь мне, боевой кролик.

Ух ты! Он опять повысил мой статус. Раз я кролик, то пора оскалить резцы (а больше у кроликов ничего нет).

– Конрад, Вы особенно не выпендривайтесь. Я всё равно общёлкаю Вас.

– А разве я против? Дерзай, но если ты хоть раз куда-нибудь потащишься одна, то я свяжу тебя, как шелковичного червя, и запру в твоём номере.

– Но теперь-то мы можем пройти по этому следу. Мы же вдвоём! Не бойтесь, капитан, в случае чего я отвлеку огонь на себя.

Он сверкнул жёлтыми глазами, протянул мне руку и выдернул из сугроба. Мы двинулись по следу, и вскоре обнаружили след снегохода.

– А звука я не слышал, – прошептал он. – Что за нелепость? Ничего не слышно. Может из-за того, что здесь то ямы, то овраги?

– Э-эх! Видимо разрыв во времени много больше, чем мы представляем. Мы просто опоздали.

Он фыркнул, но ничего не сказал. Мы двинулись дальше, но снег был таким рыхлым, что мы брели, провалившись по пояс. Неожиданно Конрад поднял руку, я скользнула за сосну, а он шагнул к другой и едва удержался – сосна росла на обрыве. Я подошла ближе и обнаружила на дне глубокого оврага перевёрнутый и измятый снегоход. Решив проявить яркость мышления, я ляпнула:

– Да-а! Кто-то куда-то не доехал, но он жив. Трупа-то нет.

– Не накаркай, – Капитан угрюмо оскалился.

Меня это расстроило, ну почему он мне всё время хамит? Хорошо, чтобы он в снег провалился, а я бы вытащила его и так небрежно сказала: «Не надо меня благодарить! Со всяким может случиться». Сзади раздалось хмыканье капитана. Эх! Опять надо мной смеётся, видно я похожа на снежную бабу. Толкнуть что ли его, чтобы и он весь извалялся?

В это время зима решила, что достаточно побаловала нас. Подул сильный ветер, ощутимый даже в лесу. Теперь не снежинки, а мелкие крупинки снега зло, как осенние мухи, кусали лицо.

Конрад поднял лицо к небу.

– Это чтобы жизнь мёдом не казалась? Вы там что, оборзели?

Мне понравилось его обращение к небесам, я так тоже иногда делаю. Я пожалала его руку, а он, вцепившись в неё, потащил меня за собой. Как он нашёл дорогу просто удивительно. Перед калиткой он взял меня за плечи и повернул к себе лицом.

– Не забыла, что вас трое? Вот и ходите вместе.

– Э-э... у них же медовый месяц!

– Ничего! Это добавит им остроты в ощущениях.

Мы ввалились в холл и остановились, так как на нас уставилось двое новых незнакомых полицейских. Черноволосый коротыш с очень широкими плечами и невероятно большими ушами, в джинсах и толстом красном свитере с вывязанным смешным медведем на животе и длинный и поджарый, шатен в элегантном костюме цвета маренго и синем тонком джемпере.

– Привет, Кон, – неожиданным басом прогудел коротыш. – Судя по вашему виду, мы едва успели проскочить. Опять метёт? Кстати, мы тоже застряли.

Его отодвинул элегантный шатен и проговорил:

– Надо поговорить. Хорошо, что Вы убитую вынесли на мороз, хоть в этот раз ничему не навредили.

– Прекрати, Саша! Как можно навредить, если у неё нож в сердце торчит?

– Кон, потише! Нож, конечно, торчит, но у меня кое-что вызвало сомнения. Уточню попозже.

Конрад зыркнул на меня и елеинным голосом проговорил:

– А с чего это Вы, девушка, стоите, разинув рот? Оправляйтесь в номер, и всё время находите рядом с друзьями. Помните, что сказал? Я не шутил.

Я не стала спорить, а быстренько помчалась в номер и застала там Боба и Гусёну, полностью экипированных для моих поисков.

– Ты что делаешь?! – завывала, как бензопила Гусёна. – На улице метель, а ты гулять пошла?!

– Успокойся, я жива, – остановила её я, лихорадочно сдирая с себя верхнюю одежду. – Боб надо подслушать, что обнаружили приезжие специалисты.

Боб кивнул и, содрав комбинезон для лыж, метнулся к рюкзаку, потом, похватав какие-то коричневые усаые кубики, унёсся в коридор.

– Гусёна только не кричи! Посмотри у меня там, на голове, большая шишка?

За что я люблю моих друзей, так это за то, что они сначала действуют, а только потом кричат на меня. Когда однажды меня понесло поздно вечером выносить мусор (мы выдули три бутылки шампанского, и они уже не помещались в ведро), то у мусорника меня зажал здоровенный ротвейлер. Гусёна осознав, что я слишком долго выношу ведро, схватила скалку, а Боб, так и не выпустив бутерброда из руки, схватил вилку. Они в таком виде понеслись на улицу. Обнаружив рычащего ротвейлера и меня, рассказывающей ему, почему надо вынести мусор именно сейчас, Гусёна спросила:

– Бить?

Я возопила:

– Ты что? Кормить и лечить.

– Угощайся! – Боб подsunул псу бутерброд с варёной курицей и сыром.

Ротвейлер в два глотка проглотил бутерброд, неловко потоптался и уставился на меня. До меня дошло, что не кусать он меня собрался, а просил помощи.

– Ребята, он хромает.

Гусёна смело осмотрела его и, молча вцепившись в ошейник, потащила ко мне домой. Удивительно, но ротвейлер не выразила протеста. Вправив вывих лапы бедной псине и перевязав её, она принялась диктовать Бобу душераздирающее послание, которое разместила во всех социальных сетях о найденном ротвейлере.

Я, разложив на тарелке, остатки вечернего ужина, надеюсь, что пёс выберет, что ему нравится. Наш гость выбирать не стал и умял всё, даже бутерброд с огурцами, потом вдруг горестно заскулил и сморщился. До меня дошло, что ему пришлось туго. Люди боятся и не понимают животных, и видимо ему здорово досталось в его странствиях. Из-за всего этого я принялась уверять ротвейлера, что не все люди гады, и что его наверняка ищут. Ротвейлер сопел и трогательно тёрся головой о мои колени. Потом мы сообща все легли на пол спать, чтобы псу не было одиноко.

Уже на другой день к нам прибежал измученный интеллигент-очкарик, который прорыдал:

– Ричард, как ты мог?! Мы город прочёсываем по квадратам.

Мы развеселились Действительно, и как он такое смог? Хотя, с моей точки зрения многие владельцы кошек и собак немного чокнутые, потому что уверены, что животные только в силу ошибки природы не разговаривают, но их (хозяев) понимают. Хе!

Пёс благосклонно гавкнул, лизнул меня и ушёл с хозяином. Мы не стали выяснять, что между ними произошло, но потом Гусёна призналась, что боится собак. Мы тогда с Бобом даже сказать ничего не смогли.

Вот и теперь Гусёна осмотрела мою голову и покачала головой.

– Нет, шишки нет, но думаю, что сотрясение есть. Тебя капитан нашёл?

– Да. Едва успел, меня даже закопали в снег. Обидно, я ведь слышала, как кто-то подкрадывался, думала лиса, а меня по голове.

Гусёна без комментариев немедленно из пакета с лекарствами, которые она всегда таскала с собой, выудила какие-то таблетки и затолкала в меня, бормоча:

– Не волнуйся. Боб, захватил, камеры и микрофоны. Он давно мечтал снять фильм о жизни зверушек в заснеженном лесу. Мы были бы в тепле и наблюдали за белками и зайцами. Не сердись, просто всё так закрутилось, что он не успел тебе рассказать. Эх! Да ладно, можно не расстраиваться, что не подсмотрим жизнь зверушек. Такое приключение! Кай! Капитан сильно

на тебя орал? Мне Татьяна на ресэпшене сказала, что в холле он ревел, как раненный слон, что покажет этой девчонке, которая тычется, куда попало.

В номер ворвался Боб и бросился к ноутбуку.

– Пошли к столу! Я микрофон и камеру затолкал в воздуховод, уж не знаю, что мы увидим, но услышим всё.

Глава шестая

«Всё возможно, если никто не доказал, что этого не существует».

Джоан Роулинг

Мы расселись вокруг стола с ноутбуком, затаив дыхание, Боб на что-то нажал и тут же мы услышали голос Конрада.

– Саша, ты что, не в состоянии сказать точно?

– Скандала в конторе хочешь? Надо возить убиенную к нам, там и производить вскрытие. Ты лучше подумай, как нам отсюда уехать, – баритон говорившего поражал звонкими обертонами, так блистает далёкая молния во мраке.

– Саша! Ты не понял, что это она сделала? – зарычал по-тигриному Кон.

– Не думаю, что всё. Погоду возможно, но не всё. Там чёртова лесина катается по вашей машине и никого сюда не пускает. Мы едва через неё перелезли. Наш шофёр до сих пор трясётся от ужаса, когда оценил её размеры. Кон, думаю, то дерево ждало не вас. Оно давно кем-то подпилено, но вы как-то проскочили.

– Да, проскочили. Знаешь, Саша, такой пурги я лет двадцать не видел. Ветер с ног валит. Ладно. Говори, что можешь, без вскрытия и прочего.

– Её отравили беладонной, – баритон хохотнул. – Это невероятно! И отравили, и зарезали.

– Что? Белладонной? Да где её взяли зимой? Неужели они готовились заранее?

– Кон, это же лекарственное средство! Главное концентрация. Кстати, её отравили за два часа, до того, как воткнули нож. Она бы умерла, от яда где-то через пять часов. Точнее скажу только после вскрытия.

– Интересно. Жадную Тамару убили двое? Независимо друг от друга? Хотя... может и не так.

– А это не из-за того артефакта? – послышался густой бас, третьего собеседника.

– Вася, я же никому не говорил, что это артефакт. Сказал, что это важная улика. Даже в пакетик сунул. Никто не знал, что это неразменная тысяча. Внешне – деньги, как деньги.

– Это как же в нашей конторе ушами прохлопали? – захохотал Вася. – Вот там теперь шухер!

Наступило молчание, и Боб тоненько пропищал:

– Так он не врал?! Это правда? Я бабке отдал неразменную тысячу? Вот лох! Хотя, ну её к лешему.

Прозвучал рык Конрада:

– Это – новодел! Думаю, что сделал её мастер неосознанно, но охотились здесь не на тысячу.

– Не понял! – прогудел Вася

– Вася, они охотились за маятником. Эх! Ведь чувствовал я, что серой пованивает! Даже, когда с Тамарой тары-бары разводил, я искал второе зеркало, но мне и в голову не пришло, что оно в маятнике. Вот, Вася, хочешь спрятать, держи на виду.

– А что же они зеркало со стола не взяли? – прозвучал баритон Саши.

– И я не понимаю. Единственно, что приходит в голову, что они не всё знали про зеркало. Так. Мне нужен банальный Интернет и всё почитать. Не понимаю, куда смотрит отдел? Оно ведь давно здесь.

– Нет, ты неправ, Кон! – проговорил Саша. – В конторе что-то про такое знали. Не зря же тебя отозвали и сунули на это расследование. Да и нас, сразу отрядили. Что-то здесь затевается ещё, и контора собирает все силы. Даже кандидатов пригнали.

– Кандидатов?! Ах ты! Так вот почему! – зарычал Конрад.

– Ты не дёргайся раньше времени, и вообще пошли жрать. У меня в брюхе урчит, – прогудел Вася. – Не психуй, а прикрой детишек.

Мы переглянулись и отправились в столовую. Видимо произошедшее произвело бодрящее впечатление на отдыхающих. Они пришли принаряженными, кроме нас, конечно.

Поведение тоже изменилось. Близнецы за семейным столом были тихи, вежливы и не толкались. Глава семейства по такому случаю нарядился в тёмно-бардовую рубашку, его супруга, по-прежнему в очередную кофту с воланами и длинную юбку. «Попугайчики» всё время огрызались друг на друга, но опять нарядились в джемпера тропических расцветок, а за столом, где сидела дама-вобла, все оделись в тёмное и напряжённо прислушивались к разговорам.

Все осмотрели нас с ног до головы, причём на лицах «попугаих» мелькнуло выражение зависти. Я не поняла к чему бы это? Девочки были в боевой раскраске, что же их наш внешний вид тревожит? Мы очень скромненько наряжены – джинсы и джемпера. Полицейские, свободные от дежурства, сидели за отдельным столом и с одобрением посмотрели на нашу компанию, за что были награждены улыбкой Гусёны.

Столы поражали продуманностью и изобилием. В центре стояла красивая фарфоровая миска с винегретом, а также большое плоское блюдо, на котором тоненькие кусочки сала, разложенные веером, отливали жемчугом, матовое сияние которого подчёркивалось веером бархатисто-серой буженины. Столы украшали хрустальные кувшины с ярким смородиновым морсом. Перед каждым стояла большая чашка из белоснежного фарфора с янтарным бульоном и рядом – блюдец с четырьмя изящными пирожками, золотистыми от масла.

Все, почему-то одновременно, набросились еду, и несколько минут слышалось только сопение, хлюпанье и стук столовых приборов. К нам подсел Конрад и молча принялся за еду. Мы переглянулись. У меня в ушах звучало слово кандидаты, я начала сильно подозревать, что это мы. Задумавшись, я сунула два пирожка в рот и услышала от нашего гостя:

– Не подавись.

– Большого и очень приятного аппетита, – немедленно дал сдачу Боб и смело добавил, – любезный мент.

Конрад весело оскалился и подмигнул ему:

– Слышь мастер-недоучка! Ведь у тебя есть ноутбук и, думаю, что не хилый.

Боб сморщил нос.

– С чего это я буду помогать Кай спор проигрывать? – я вскинулась, а Боб ухмыльнулся. – Про спор все уже знают.

– Очень надо! Позарез! – строго пророкотал Конрад.

– Бартер! – также строго провозгласил Боб.

Конрад оскалился.

– Пожалуйста! Пока ты дрых в растительных ароматах, твоей подруге чуть голову не проломили.

– Это мы знаем, – рассердилась Гусёна. – Кстати, она отделалась лёгким сотрясением мозга.

– Ладно. Тогда я скажу иначе. Я вас обоих пришибу, если вы её оставите одну. Медовый месяц, это не повод клювом щёлкать, – я от возмущения подскочила, а он тихо рыкнул. – Не фырчи. Надо понять почему, тебя пытались прибить?

– Ладно, пошли к нам в номер, – насупился Боб и направился к выходу, Конрад за ним.

– Ты никого не видела в лесу? – прошептала Гусёна.

– Конрада.

– Ага! Ты уже его по имени зовёшь. Ты с ним на ты?

– А он?! Он мне все время тыкает на мой возраст, и унижает. Знаешь, что странно, в этом лесу ничего не было слышно, но мы нашли след от снегохода. Кто-то сильно навернулся в овраг. Снегоход в хлам.

– В лесу часто звук гложет. Слушай, эти «попугаи» обсуждают ваш спор, а мне интересно. На что же вы поспорили? – она посмотрела на меня и подвела итог. – Ну, ты и балда!

– Пошли к нам! Я спрошу, на что мы спорили?

Гусёна покачала головой, но отправилась за мной. С порога я тут же спросила:

– Конрад, а на что мы поспорили?

Он усмехнулся

– На желание. Нравится?

– Да.

– И что ты здесь стоишь? Не видишь, мы работаем?

Я даже всхрипнула от обиды.

– Да у тебя совести нет! Боб же мой друг!

– Откуда у мента совесть? Нам и долга хватает по самое не хочу. Ладно, Боб, можешь рассказать этой кошке, – (О! Я уже кошка. Быстро я эволюционирую в его глазах. Пустячок, а приятно. Классный мужик!) Конрад скользнул ко мне и погладил меня по голове. – Желание-то загадала?

– Нет, но обязательно придумаю.

– Ну-ну, – он кивнул и вышел из номера.

У меня голова зудела. Невероятно, но мне хотелось, чтобы он погладил меня ещё и ещё. Прикинула к чему бы это, и решила, что на самом деле зудит место от удара. Покраснела и обрадовалась, что Гусёна, которая уселась рядом с Бобом, ничего не видела.

Боб потёр ладони и предложил:

– Обдумаем? Итак, что мы знаем? Кай, начинай ты.

– Немного. Неразменная тысяча. Кража, в том числе и маятника. Голова свиньи и две убитые пожилые женщины.

– Кай, а может тебя хотели напугать свиньёй? – испугалась Гусёна.

– С чего бы? Я же здесь впервые!

– И всё же кто-то хотел тебя пристукнуть, – проговорил Боб. – Конрад, когда отправился за тобой, увидел кого-то впереди себя, решил, что ты, но потом понял, что из-за снега не разобрался. Это был кто-то, кто шёл за тобой. Он тогда припустил во всю прыть, но там не больно-то побегаешь. Тогда он стал звать тебя, но там звук гаснет, и тогда он увидел, как маленькая сосенка замахала ветвями. Он подошёл ближе и увидел твою ногу в сугробе. Так он понял, что кого-то спугнул.

– Знаете, ребята, я думаю, что вы все ошибаетесь. Меня не хотели ни убить, ни напугать, а задержать. Кто-то очень не хотел, чтобы в этот день ходили по лесу. Думаю, что там хотели закопать украденное. Хотя... я могу и ошибаться. Мне этот капитан голову заморочил, и я никак не могу сообразить, сколько же мы мотались по лесу?

Гусёна покачала головой

– Я не знаю, сколько вы вместе там были, но тебя не было больше часа.

– Да-а... может и пристукнуть хотели. Не знала я, что так долго в лесу была, – я расстроилась, раньше я могла следить за временем автоматически, почему сейчас моя голова не стала этого делать? Чем она занята, если считает, время не важным? Подняла глаза. Боб и Гусёна смотрели на меня и ждали продолжения. – Простите, ребята, задумалась. Меня очень настрожил подслушанный разговор. Боб, капитан же разрешил тебе рассказать нам, так не молчи.

Боб смущённо хмыкнул.

– Девчонки, Вы даже не представляете, что мы искали. Всё про зеркала, которые украли. Но!! Это потом, сначала давайте поговорим о той тысяче! – мы с Гусёной улеглись на диван и уставились на него. Боб возмутился. – Да вы что?!

– Ты давай, ищи! Знаешь, на что ты должен обратить внимание? Кто их может сделать, и как. Да, загляни-ка на сайты, которые капитан смотрел. Знаю-знаю, ты скажешь, что это было

очень быстро и прочее, но я знаю, что ты можешь. Ищи, не ленись! – я после этого уткнулась в подушку и засопела.

Сон пришёл, но странный, я бежала по цветущему саду, была ночь, но была ясно, как днём, а потом я наткнулась на Конрада. Он был совсем не таким как в реальности. Хотя в реальности я не видела его полуголым. Могучий торс, когти на руках, грива волос и почему-то во сне у него был тигриный хвост. Он улыбнулся мне и раскрыл объятия. А я отчаянно бросилась ему на шею.

Голос Гусёны произнёс.

– Это что же тебе снится, если ты так крепко обнимаешь меня?

– Ой! – Нет! Я не могла рассказать этот сон, потому что не поняла, почему это я так сделала. Почему увидела мента совсем другим. Да и вообще, что мы видим во снах, мечты? А может Провидению нам открывает способность увидеть тайное, скрытое в реальном мире от людей.

Гусёна задрала брови.

– Скажи, хоть кого видела во сне?

– Пока сама не знаю, – отмахнулась я. – Боб, нашёл?

Наш программист задумчиво покивал.

– Да. Нашёл. Но даже не знаю, как это вам понравится. Какой-то сайт странный. Там много чего, терминология ужасная, и я вам расскажу в современных терминах. Слушайте! Существует взгляд на мир как на равновесное состояние Хаоса и Порядка. За этим следит специальная контора, – Боб хмыкнул, – там это иначе называется, но я решил использовать терминологию наших друзей полицейских. В конторе много отделов, которые следят за равновесием. Конечно, все люди на Земле, так или иначе, работают то на Хаос, то на Порядок, в силу двойственности своей натуры, но есть и такие у которых эти компоненты доминируют, определяя их жизнь. Многие из них работают на контору осознано, а многие даже не подозревают о своей сущности.

Представители Порядка, не понимающие того, кто они, получив избыток положительной энергии, иногда начинают насильственно осчастливливать мир. После этого начинаются революции и войны. Контора старается их остановить, но не всегда успевает. Назовём всех, кто из Порядка – Творцами. Самая малочисленная группа среди всех «творцов» это... э-э, назовём их, проектировщики. Они способны, изменяя реальность, творить будущее. Они это делают, создавая в мечтах проект будущего. Это не отдалённое будущее, а близкое. Вторая группа – это трансформеры, способные преобразовывать любые предметы, придавая им новые качества. Им нравится творить из обыденных вещей невозможное. Следующие – создатели. Им нравится создавать процессы реальности. Конечный результат их часто не интересует, а важно, например, совершенствование процесса. Следующая группа – инициаторы, они, как правило, запускают процессы, но часто не отслеживают их завершение. Учтите, проектировщики могут скатиться до инициаторов, но инициаторы никогда не смогут стать проектировщиками. Как видите, эти свойства, можно сказать, генетически закреплены.

Именно среди разных творцов появляются великие философы, художники, писатели, балетмейстеры, мореплаватели, альпиниста, врачи, учёные, писатели, полководцы, революционеры и повара, – Боб выдохнул и задрал палец вверх. – Теперь поговорим о Хаосе! Групп у приверженцев Хаоса больше, чем у приверженцев Порядка. Те, кто работает на Хаос, не рождаются с такими свойствами, а постепенно занимают всё более высокие уровни в своих возможностях, если позволяет наследственность. Простейшие из Хаоса – элементы системы. Живут потому, что так надо, потому что так все живут, короче обыватели. Следующие – прагматики. Они более сложные, потому что используют программы, диктуемые обществом. Очень нравственные и не любят разминиваться на эмоции, кстати из них получаются хорошие классные воспитатели. Следующие – наблюдатели, они обожают получать информацию и анализировать

её, ну понятно большинство из них становятся научными работниками и лесниками. Следующий этап в развитии представителей Хаоса – хранители, это люди, структурирующие полученную информацию в пространстве и времени. Обожают её перекомбинировать, но не менять. Кстати многие из них становятся химиками и парфюмерами. Следующий уровень – комбинаторы, умеющие строить и преобразовывать системы из разных объектов и событий, распределённых во времени и пространстве, они чем-то похожи на трансформеров, но их интересуют события, а не материальные объекты. Самый высший уровень – корректоры или координаторы. Это те, кто следят, чтобы процессы шли в расчётном направлении, или поддерживают созданную систему в рабочем состоянии не на уровне обычного исполнителя, а на уровне человека, принимающего решения. Все они могучие интуитивисты и, как правило, работают на контору.

Люди из всех этих категорий в соответствии со своим уровнем ищут соответствующие профессии, так появляются бандиты, обыватели, проповедники, или коллекционеры и библиотекари.

Координаторы – это немногочисленная группа. Именно они чаще всего управляют финансовыми империями, или просто банками, государствами, разведками, армиями, институтами, школами. Кстати почти все великие сыщики, эксперты, да и некоторые просто полицейские являются координаторами.

Часто те люди, кто осознал свои возможности, начинают мир и людей ломать под себя. Есть, кто переходит на сторону Хаоса в личных целях, и тогда они быстренько превращаются в чудовищ, ну или тиранов.

Контора следит за всем, и, в зависимости от того, кто и что натворил, присылают группы, способные восстановить равновесное состояние, причём очень жёстко. Кстати, не только сторонники Хаоса, но и сторонники Порядка, иногда идут на уничтожение документов и личностей, если это может сильно повлиять на реальность. Чтобы Вы поняли, как все сложно, я узнал, что многие священники во всех церквях, не обязательно несут гены приверженцев Порядка, а совсем наоборот.

– Ну и что? – изумлённо спросила Гусёна.

В моих ушах опять прозвучало «кандидаты» (они на нас рассчитывают?), поэтому я решила немного ей прочистит мозг:

– А то, что ты, Гусёна – инициатор, а Боб – трансформер.

Гусёна в сомнении сморщила нос и дольно улыбнулась:

– А что приятно.

– Хм... как это ты не споришь? Хотя... действительно приятно.

Боб хехекнул.

– Зато ты – проектировщик, но главное не это. Саша, Вася и Конрад, в отличие от обычных полицейских, на службе у конторы. Они – координаторы. И они реально умеют делать, что другим не под силу, но им это не всегда разрешено.

– Да-а! Это что же такое должно произойти, или произошло, если прислали спецназ из конторы, – прошептала Гусёна

– Ты ошибаешься, они гораздо круче, чем спецназ, но мне кажется, что они не знают или не поймут здесь чего-то, и очень встревожены. Вам нужны подробности, как я создал неразменную тысячу?

Я отмахнулась:

– Да это и так понятно. Деньги должны быть последними в замкнутом объёме, и, если дарящий отдаёт самое крупное, не взирая на мелочь.

Боб сердито засопел, а я ткнула его в бок:

– А почему я проектировщик?

– Ты увидела нас истинными, и повлияла на наше будущее. Потому что после встречи с тобой и общения, я стал уважать себя не за то, что я бывший детдомовец зарабатываю большие

деньги, а за то, что я могу из говна конфету сделать. Гусёна, которая вечно трудилась, как раб на сахарных плантациях, теперь живёт, как Робинзон Крузо – хозяин своей жизни, и всё время что-то придумывает.

– Всё это – мистика, – я покачала головой, – и может всё на самом деле не так. Давай ты расскажешь нам про зеркала.

Боб пожал плечами:

– Да, пожалуйста! В семнадцатом веке мастер Сяо Лин изобрёл два зеркала, выпуклое и вогнутое. Зеркала были способны влиять на людей. Одно из них собирало негативную энергию, другое рассеивало. Кривизна была едва заметной. Чтобы их не перепутать он вставил их в разные рамы. Одно зеркало вставил в медный восьмиугольник, а второе – в медный диск. Он что-то там мудрил с составом зеркал. В результате сделал невероятное. Действие зеркал на живые организмы зависело их от их расположения. Одно должно было быть неподвижным, а второе постоянно в движении.

– Ребята, я поняла. Это – маятник. Это зеркало было на маятнике. Его упёрли, чтобы кому-то навредить, но тот, кто его украл, не знал, что нужно второе зеркало, чтобы самого себя защитить. Теперь осталось понять, зачем нужна свиная голова?

Боб вздохнул.

– Так мафия делала. Я в каком-то романе читал.

В комнату постучали. Гусёна крикнула:

– Открыто!

Мы удивлённо переглянулись, когда к нам вошла Алина. Она осмотрелась и заметила:

– Просто сидите? Что-то читаете? Не ожидала, – мы смотрели, задрав брови. Алина поморщилась. – Хорошо устроились! Разделили комнату... хм... Полностью одеты... Оригиналы. Я вот почему зашла. Мы тут решили провести чемпионат. Может ваш фрэнд примет участие?

– А почему только он? – шёлковым голосом спросила Гусёна. – Я бы тоже хотела сыграть. А какой приз?

Алина растерялась, но собралась с мыслями и объявила:

– Мы это обговорим, но думаю – деньги, по сотне с участников. Игра на вылет. Я потом приду и скажу, кто с кем играет.

– А когда? До ужина или после, – Гусёна по-кошачьи потянулась.

Алина скривилась и нахамила:

– К вам можно без стука-то входить? Не будет неловкости? Вы хоть бы дверь запирали.

– Не волнуйся за нашу нравственность! Кстати, а тебе в голову не приходило, что если открыто, то вряд ли, что-то происходит... – Гусёна усмехнулась, – из того, что тебя так волнует.

Не найдя, что ответить, Алина вышла. Дверь ещё не закрылась, когда снизу раздался ещё один дикий вопль. Боб хмыкнул:

– Пошли! Видимо ещё одну голову подкинули.

Мы скатились в холл. Там отдыхающие стояли полукругом вокруг ресёпшена. Кричала наша Пышка, махая руками перед собой.

Я встала на цыпочки, видно было плохо, потому что полицейские никого не пускали, а все остальные образовали забор. Однако мне удалось рассмотреть. На ресёпшене лежала голова в кокошнике. Что с бедной Татьяной сделали, не было видно, потому что полка для ключей, монитор и горшок с геранью образовал ещё один барьер. Вокруг стола ходил криминалист Саша и морщил нос.

Гусёна и Боб стали проталкиваться вперёд, а я, напротив, – попятилась. Мне от всего этого было уже тошно. Меня схватили за талию горячие руки, я зло обернулась и чуть не уткнулась в губы Конрада.

– Ой! Её зарезали?

Он, тронув губами моё ухо, прошептал:

– Удушили.

– Странно. Это что же, её душили, она сопротивлялась молча, и никто не видел?

– Мне это тоже интересно. В силу нашего спора можешь посмотреть.

– Спасибо, обойдусь. Я догадалась. К ней подошёл кто-то, кого она знала, сзади и использовал проволоку или шнур.

– Умница. Её же пояс, а не слышно, что пинналась, потому что она сидела в чунях. Это такие валенки-обрезоны.

Я решила и, вцепившись, ему в руку подошла ближе. Зрелище было жуткое, мёртвые глаза Татьяны ещё смотрели на монитор в разложенный пасьянс. Голова лежала на клавиатуре. Конрад посмотрел, куда я смотрю и сообщил:

– Вася, её задушили двадцать минут назад.

– Это почему? – прогудел коротыш.

– На мониторе показывается потраченное время на каждый ход.

Василий отодвинул голову убиенной, и в холле громко завопил голос Билана, уверяющего о своей неизменной любви.

– Да-а... При такой громкости, если она и вскрикнула, то никто и не услышал бы, – расстроился Вася.

Криминалист нахмурился.

– Василий. Это – не цирк. Нечего здесь отдыхающим делать!

– Действительно, – прогудел Вася, – если кто-то видел убийство, то прошу остаться, остальные покиньте место преступления. Граждане отдыхающие, что непонятного?

Впервые за всё это время отдыхающие зароптали. Максим Максимович возмущённо проговорил:

– Милейший, а мы не в тюрьме! Мы деньги заплатили за отдых. На улице метель, что же нам по вашей милости в номерах сидеть?

Василий сердито загудел:

– По нашей?! Вы тут убиваете друг друга, а мы виноваты?

Всегда ранее молчавший парень, в неизменной полосатой рубаше стукнул себя в грудь, как павиан, и кукарекнул:

– Можете писать. Я скажу, что я думаю. Я – Владлен!

– А по паспорту Венедикт, – заметил Конрад и стал с интересом наблюдать за Владленом-Венедиктом.

– Я – коммунист и сам выбрал себе имя в честь вождя мировой революции. Я не потерплю полицейский произвол!

– Кончай чушь нести! – неожиданно проговорила Ольга. – Какой ты коммунист? Так себе Гэ на Пэ. Ты сорок тысяч отвалил за отдых. Откуда у коммуниста такие деньги?

Владлен замотал головой, надулся и натужно завизжал:

– А не надо коммунизм и нищету объединять! Плюю я на тебя, буржуйка!

После этой эскапады он отправился из холла. Все, потоптавшись, разошлись, кроме нас. У меня всё время, что-то свербело в голове, потом я подошла к криминалисту и тронула того за рукав:

– А вы кабинет директора проверили, после убийства?

– Да там уже всё выгребли, – отмахнулся тот.

Всё, что Боб рассказал об артефактах, сформировалось у меня в некую гипотезу, поэтому я спросила:

– А второе зеркало? Думаю, оно похоже на дешёвую безделушку, мне про него убитая рассказывала. Оно должно было лежать на столе.

Конрад открыл ключом кабинет. Вышел растерянный и злой.

– Его нет. Кстати, там настежь открыта ещё одна дверь, она, оказывается, была в шкафу для... хм... развлечений Тамары Витольдовны. Кстати, ты ошиблась! Это зеркало не дешёвое. Его изготовили в древности в Китае.

– Скажите, а вы получили разрешение на обыск?

– Значит, теперь ты, кошка, руководишь нами? – он сощурился.

– Да ладно тебе! – прогудел Василий. – Мы обыскали все служебные помещения, девочка.

– Слушай-слушай, девочка! Не натягивай подушку на голову, когда сталкиваешься с реальностью, – тихо пробормотал Конрад.

Я стала красной, как варёный рак, но не от смущения, а от возмущения. Саша усмехнулся, и хрустальным голосом заметил:

– Я знаю о вашем споре. Думаю, что кое-что тебе можно рассказать. Так вот, все украденные ценности, кроме зеркал, мы нашли в квартире убиенной девицы во флигеле, который также обыскали. Забавно, но убиенная их в валенки засунула. Всё, кроме маятника.

– А мне врала, что валенок нет, – прошептала я.

– Это что же, она такая дура? – удивился слушающий Боб.

Я смотрела в потолок и размышляла, потом покашляла.

– Да уж говори, кошка, – кивнул мне Конрад.

– Это всё подстроено, а виноваты вы. Кто-то слушал все ваши разговоры.

– Ерунда! – отрезал Конрад. – Я говорил по телефону из мужского сортира.

Боб хехекнул.

– Вообще-то я подслушал и очень легко, когда вы все в кабинете разговаривали! Там везде есть вытяжки. Рядом душ, так что услышать разговор можно, только лохом не надо быть.

– Спасибо, – Конрад в упор посмотрел на меня. – Свободны!

Глава седьмая

«Странная штука – любовь.

Она всегда застаёт тебя врасплох»

Фредерик Бакман

Мы не стали с ним ругаться. Ребята пошли в номер, я тоже, но потом натянула тренировочный костюм и, громко пожелав им долгой любви, отправилась в тренажёрный зал. Я же понимала, как им хочется оказаться наедине, и абсолютно ничего не боялась. Действительно, что мне могло угрожать, если я ничего не знаю. Правда тюкнули по голове, но в лесу, это первое, и возможно спутали с кем-то, иначе бы убили, это второе.

Тренажёрный зал оказался закрыт, и я отправилась назад, дошла до поворота, но острое чувство опасности заставило меня, отступить. Я не успела, потому что удар в висок отправил меня в бессознательное состояние.

Очнулась я в полной темноте. На мою голову намотали полотенце, и я ничего не видела. Я подёргалась и поняла, что сижу на стуле, приклеенная скотчем. Да-а! Видно мало мне первый раз ввалили, если я так глупо попалась.

Сильно изменённый голос спросил:

– Как включить зеркала?

Вопрос меня изумил, но удар по лицу взбодрил и я ответила:

– А я откуда знаю?

Пинок по рёбрам и немедленно вопрос.

– Как его завести?

– Вы что, с ума сошли, это же не часы?!

– Часы. Восьмиугольная рама двигается. Как совместить с другим зеркалом? Что тебе менты сказали?

– Не знаю. С чего бы они стали говорить? – я сказала это абсолютно искренне, понимая, что нам выдали только дозированную информацию.

– Все знают про твой спор. Что ты разнюхала? – второй удар был очень болезненным. Он был таким сильным, что я упала вместе со стулом.

– Оставь её! Ничего она не знает, просто жопой вертит перед ментами, – раздался второй изменённый голос.

Меня опять пнули, но попали по спинке стула, и бывший меня зашипел:

– Все вы одинаковы. У-у! Сучка-дрячка!

– Пошли, пока не засекли, сами узнаем, – прохрипел второй.

Раздался гулкий удар захлопнувшейся двери. Боясь привлечь внимание моих похитителей, я не решилась кричать, но стала всяко-разно извиваться, и поняла просчёт похитителей. Они приклеили меня, наматывая липкую ленту, но не тронули голые руки и ноги. Они приклеили костюм. Я начала выползать из него подобно шелковичному червю из оболочки. Я извивалась и извивалась, и смогла выползти из штанов. Потом начала высвобождать руки. Наверное, я смогла только потому, что меня сжигало бешенство. Выдравшись из костюма, я попыталась снять полотенце с головы. Увы, там тоже был скотч и у меня открылся только один глаз, остальное приклеилось к волосам. Драть его я не решилась. Светлее не стало, но я разглядела, что была заперта в каком-то зале.

Попробовала идти на ощупь и налетела на что-то. Ощупав то, на что налетела, поняла, что нахожусь в тренажёрном зале. Неожиданно показалась жёлтая щель, и я поняла, что это выход. Я постояла, чтобы привыкнуть к этой малости света и направилась к выходу. Неожиданно щель превратилась в сияющий жёлтый прямоугольник. Решив, что это мои похитители

я бросилась вперёд, вопя, как самурай, царапаясь и кусаясь, как кошка. Получилось плохо, потому что чьи-то руки прижали меня к себе. Я завывала, извиваясь, и замерла услышав.

– Ах ты, моя воительница!

Этот голос я не могла спутать ни с каким. А потом раздался голос Гусёны:

– Это мы! Потерпи, я принесу ножницы и срежу это дурацкое полотенце. Потерпи!

И опять голос капитана:

– Пока ты их найдёшь. Кошка! Не дёргайся. У меня нож, – он показал мне нож, и я зажмурилась. Несколько взмахов, и я увидела его. Из всех сил я прижалась к нему. – Уже и надежду потерял, что жива, а нашёл. Нашёл тебя, кошечка! Нашёл!

Он гладил меня по голове, потом по спине, задел бок, и я вздрогнула. Конрад осторожно взял меня за плечи, посмотрел в глаза.

– Били? – его голос стал ледяным.

– Пару раз по голове, а потом пару раз по рёбрам.

Он дрожащими пальцами прошёлся по моей спине и сердито спросил:

– А почему ты в одном белье?

– Меня к стулу приклеили. Я вылезла из костюма, чтобы освободиться.

Его брови взлетели, и он посмотрел на меня, как на ненормальную, но его оттолкнула Гусёна и стала ощупывать меня. У меня опять заболела голова. Конрад отнял меня у Гусёны, проворчав:

– Не трясى её. У неё сильное сотрясение мозга. Кошка, сколько их было? – я опять обняла его и почувствовала, как он всем телом вздрогнул. Он подул мне в макушку. – Пожалуйста, кошечка!

– Не меньше двоих, – проговорила я ему в живот. – Говорили изменёнными голосами. Интересовались, как завести часы. Тьфу! Зеркала.

Голос Боба сообщил:

– Был бы микрофон, а изменить голос раз плюнуть. Но, кто именно говорил, трудно определить без аппаратуры.

Гусёна взяла меня за руку и стала считать пульс, потом пролепетала:

– Кай, доверься ему, он тебя лечит. Тебе явно лучше после его объятий.

Я подняла голову и взглянула в его глаза. Золотой ободок радужки почти исчез. И от этого у меня перехватило дыхание, и ослабли ноги.

Смешно сказать, но в наш век сексуальной революции я не умела кокетничать. Конечно, на студенческих вечеринках меня пытались пощупать, но с помощью зуботычин и пинков я объясняла, что не хочу секса без любви. В тот момент, когда я взглянула в его потемневшие глаза, я совершила невероятное – я потёрлась об него (очень хотелось) и услышала, то, что мне не предназначалось, потому что увидела его губы.

– Благодарная кошечка.

Я прикусила губу. Он не верит мне, что я... Господи, я полюбила его! Вот что я испытывала! Я полюбила впервые в жизни, а он... Ну, понятно, что я очень обыкновенная, но ведь и он не Аполлон, но... Прекрасней его я не встречала в жизни. Он смотрел в сторону, и я отошла.

– Пошли в номер! Гусёна, дай хоть чем-нибудь прикрыться, – я вспомнила, как он отвернулся. – Я не модель и вряд ли вызову одобрение своей наготой.

Неожиданно Конрад схватил за грудки Боба:

– Я тебя предупреждал, что её нельзя оставлять одну?!

– Что ты хватаешь? – мы вытаращили глаза, если Боб перешёл на ты, то полностью принял этого человека. – Ты знаешь, что мы бегали везде в поисках этой заразы? Она, как провалилась.

– А почему ты сюда не заглянул?

– Да потому что тренажёрный зал был закрыт, мы это посмотрели по расписанию. Нам и в голову не пришло, что она здесь.

– Конрад, он прав. Зал был закрыт, – поторопилась я спасти Боба от увечий.

– Ладно. Идите, – Конрад повернулся ко мне, – а ты останься.

Мои, потоптавшись, ушли, а на их место в зал вошли Саша и Вася. Я посмотрела на них, но подошла вплотную к Конраду.

– Я знаю, что ты – экстрасенс.

– Хы! – раздался сзади голос Васи.

Конрад усмехнулся и стал отдирать мои штаны от стула.

– Что ещё скажешь? – звонко спросил Саша.

Не стала я говорить, но сделала нечто невероятное для себя самой – подошла сзади к Конраду и обняла его.

– Дай мне твою майку, и я уйду. Не волнуйся, целовать я тебя не буду, потому что ты решишь, что это благодарность.

От растерянности Конрад застыл, а я залезла на тренажёр, чтобы стать повыше, и практически одним движением содрала с него майку, натянула на себя и гордо, как модель, продефилировала мимо них. А они стояли, вытаращив глаза, и глотали воздух. В дверях я обернулась и показала Конраду язык.

По коридорам я пронеслась, как ураган. Ворвалась в номер и схватила влажные салфетки, и стала оттирать следы грязи на руках, слушая дуэт моих друзей на тему «Не ходи без нас, зараза!»

– Ша! Гусёна, приводи меня в порядок. Мы идём на чемпионат по бильярду. Там будут всяко-разно выражаться от расстройства, а я послушаю. Люди часто бессознательно употребляют привычные обороты речи. Мы найдём этих засранцев, что меня пинали. Я покажу ему благодарность!

Они неожиданно улыбнулись, но промолчали, что удивило меня. Гусёна исследовала моё состояние и качала головой.

– Удивительно. На рёбрах синяк будет – жуть, а на лице ни царапины, хотя по виску садили тебя крепко, да и щека чуть припухла, – она открыла окно, собрала снег с подоконника и сунула мне в руки. – Подержи-ка снег у лица, через пары минут опухоль сойдёт. Вот что, думаю, ты наденешь джинсы, мою тунику, и я тебя причешу.

Полчаса злобных пререканий, и я с недоумением рассматривала себя в зеркало. Неужели жемчужно-серая туника, расшитая атласными букетиками роз по подолу и вороту, может так изменить лицо.

Гусёна вздохнула.

– Надо мне в парикмахеры податься. Деньги бы зашибала невероятные.

Она повертелась передо мной. Черные джинсы, малиновый джемпер, делал её невероятно привлекательной.

– Гусёна, любовь тебе к лицу. Ты просто цветёшь, – я повернулась к Бобу, – а ты, дружище, пока мы громим этих лохов в бильярд, должен узнать, как синхронизовать зеркала. Похитители уверены, что это надо сделать.

– Ну... – начал Боб.

Дверь распахнулась, и в номер ввалился Конрад, он только бровью повёл, как мои друзья метнулись в коридор. Он осмотрел меня с ног до головы и протянул руку:

– Майку отдай.

– Да пожалуйста! – и я кинула ему его одежду.

Он скинул джемпер. Медленно, чтобы я видела, натянул майку и шагнул ко мне.

– Это ради кого ты принарядилась?

– А пошёл ты!

А потом я мало что помнила, только его горячие губы, целующие мои губы, шею и грудь. Туника как-то была сдёрнута. Его руки как-то невероятно гладили моё тело, от чего у меня внутри всё зудело. Я изнемогала от поцелуев и пожара, который разгорался во мне.

– Так что они спрашивали тебя про синхронизацию? – пророкотал он. Я растерялась, а он ухмыльнулся. – Поцелуй – предоплата за информацию.

Он и глазом не успел моргнуть, как я его вышибла из номера. Я опять одела тунику и заплакала. Я опять хотела этих огненных поцелуев. Спустя полчаса в номер осторожно зашли Боб и Гусёна.

– Вот как! – взвыла Гусёна и выскочила за дверь.

– Что он с тобой сделал? – Боб сел напротив меня.

– Спросил, что интересовало похитителей.

Боб покачал головой.

– Бедолага! Гусёна его там на молекулы раздирает.

– Боб, не пойду я никуда. Ты поищи, как это зеркала могут быть часами.

Я содрала с себя наряды, натянула пижаму и завалилась спать. Сил не было. Проснулась от того, что в щель форточки, которую ребята забыли закрыть невероятно дуло. Ребята спали, обнявшись, и по необъяснимой причине холодный поток воздуха на них не попадал, а каким-то образом локализовался только на мне. Я подошла к окну, чтобы закрыть форточку и замерла. Внизу кто-то, что-то закапывал в снег. Надо бы узнать кто это там?

Я натянула на голову меховую шапку Гусёны, чтобы защитить голову, натянула свитер, треники Гусёны, достала из сумки индивидуальное оружие – лак для волос, это кого хочет ослепит, посмотрела на ребят и... решила, что справлюсь. Взяла в руки сапоги и тихонько вышла в коридор. Далеко я не ушла, у двери номера на полу сидел Конрад, опершись на стену и спал. Я на цыпочках перешагнула через его ноги и чуть не закричала, когда он цапнул меня за ногу.

– Ну и что ты увидела?

– Там, во дворе кто-то что-то закапывает.

– У тебя вообще мозгов нет? Думаешь, шапка поможет? – он осмотрел меня и вздохнул. – Ну что мне с тобой сделать, чтобы ты не моталась одна?

Видимо мне что-то повредили, когда стучали по голове, потму чтоя неожиданно для самой себя ляпнула:

– Сделай мне ребёнка! – сказала и обмерла.

Эх! Надо было видеть его лицо. Он шлёпал губами и молчал, потом нахмурился, поэтому я заторопилась.

– Слушай, ты не обязан на мне жениться. Но ты мне так нравишься, что сердце стынет. Я понимаю, что не нравлюсь тебе, но пусть хоть ребёнок будет у меня твой. Я никогда никому не скажу, что он твой. Только хочу предупредить, что о том, как делают детей, я знаю только из литературы и фильмов, поэтому у тебя со мной могут возникнуть трудности.

– Э-э... – выдавил он.

– Я буду беременная и буду беречь дитя. Прикинь, сколько выгод для тебя: я никуда не поеду, никому не буду мешать. Да, не волнуйся! Мне деньги не нужны. Мне нужен твой ребёнок. Ну что, я виновата, что мне кроме тебя никто никогда не нравился?

– Э-э... – он вцепился в свои волосы, потом протянул ко мне руки, но отдёргнул их.

Конечно, надо было остановиться, но меня уже несла лавина эмоций, и поэтому трясёт от внутреннего озноба я смело продолжила:

– Ладно, меня ты можешь и не трахать, но давай по приезду в Самару, ты сдашь сперму? Я пойду на искусственное оплодотворение. И у меня будет твоё повторение, твоё дитя.

– Э-э...

Похоже, он начал обдумывать моё предложение, потому что на висках у него выступил пот. Но я не могла дальше жить без него, или его частицы.

– Слушай, мне девчонки говорили, что мужики неразборчивы в сексе, но неужели я так тебе противна?

Он, покраснев, прохрипел:

– Издеваешься?

У меня выступили слёзы от досады.

– Нет!

Он вскочил и затащил меня в душевую. Закрыв её, я сжалась. Ну, всё, сейчас мораль будет читать, в духе Евгения Онегина. Он наклонился ко мне.

– Да я с первого взгляда захотел трахнуть тебя?

– Меня?! – я от этих слов испытала то, что ощущают падающие в пропасть: восторг (полёт же) и неверие в происходящее.

– Да! Я весь твой. Весь!

Мне стало абсолютно наплевать кто там и что закапывал, Ну ведь не испариться же до утра, а он содрал с меня одежду и включил душ. А потом я плохо соображала. Меня мяли, гладили, целовали. Он что-то говорил, я выполняла, и мир взрывался наслаждением острым, как боль. Я не могла это выдерживать и кричала от невыносимого блаженства, а он поцелуями закрывал мне рот, а потом опять, что-то такое делал со мной, что я то деревенела, то билась в судорогах наслаждения. Этот мужчина играл на моем теле, как на скрипке и оно отвечало аккордами воплей переживаемого катарсиса. Наконец, он, отдуваясь, прижал меня к стенке и прошептал:

– Кошка, хочу повторить это лёжа на простынях, – выскочил из душа, и я услышала, как он кому-то звонит. Он выключил душ и прижал меня к себе. Наконец, тот, кому он звонил, ответил, потому что Конрад рыкнул. – Боб, я с женой в вашей душевой, нам нужны халаты. Как-то так.

От такого простого слова «жена» я потеряла сознание. Очнулась я на его руках от его поцелуев-укусов.

– Ой!

– Именно, ой! Я не понимаю, женщина, чем ты недовольна? Я старался, как мог. Ну, перестарался, и будет не один сын, а два и дочка в придачу.

Я посмотрела ему в глаза, не врёт ли он. Однако Конрад был абсолютно серьёзен. Хм... Я – чокнутая! Вместо того, чтобы сказать ему что он обалдел, типа по трёх запузывает, я пролепетала:

– Господи! Как хорошо!

Конрад принёс меня в номер и уложил на кровать. Снял с нас халаты, прижался горячим телом и стал шептать, каким способом он меня будет любить, как только ребята заснут, а я целовала его. В отличие от него я говорить не могла, но мне опять до дрожи хотелось это пережить ещё раз. Он просипел:

– Всё! Сделаем иначе, – он сунул меня носом в подушку. – Я триста лет тебя ждал. У меня больше нет сил ждать ещё.

Его обжигающие руки начали странствовать по моему телу, а я скулила в подушку, а потом выпала из реальности. Он лежал у меня на спине и урчал, я вывернувшись и шёпотом спросила:

– Ты мне сейчас четвертого ребёнка делаешь, или шестого?

– Кошка моя, ты готова на четверых? – его руки опять начали мять моё тело.

Задыхаясь, от восторга я призналась:

– Я согласна на всё, что ты сделаешь. А можно мне тебя потрогать?

– Нужно.

От окна вдруг раздались звуки музыки.

– Боже мой! Неужели это будильник? – перепугалась я.

– Нет! Это звуковое сопровождение, – раздался голос Боба. – Мы тоже люди, и тоже хотим делать детей.

Кон наклонился надо мной и взглянул в глаза.

– Даже так?! Ты ж моя экстремалка! Ну, продолжим. Но хочу заметить, что мне хотелось бы более очевидных твоих действий, а то ты уж больно робко меня трогаешь.

– Да-а! – выдохнула я, вылизывая его ухо.

– Р-р-р, – больше говорить он не мог.

Утром мы все проснулись от стука в дверь. Голос Пышки осведомился:

– Вы завтракать будете?

– Будем! – хором закричали мы.

Мужчины оделись и ушли первыми, причём Кон вытряс из Боба толстовку, которую тот купил в минуту помешательства, объявив нам, что накачает мышцы. На нём толстовка Боба растянулась, как тонкая трикотажная футболка. Удивительно, но Боб не стал комплексовать, а только покачал головой.

Мы с Гусёной долго рассматривали друг друга. Я смотрела на неё вопросительно, она – специфически, как врач, потом она выдала:

– Думаю, ты беременна.

– Конечно, мой муж очень старался!

После этого мы принялись хохотать.

– Вот что, мы должны быть достойны пережитого. Давай приоденемся, – решительно произнесла Гусёна.

Она мучилась с моими волосами, а я размышляла. Всегда у всех есть долгий период ухаживаний. Уж не знаю для чего, может по обычаю, может из-за желания узнать кто твой избранник, но я сразу увидела...

А что же я увидела? Я закрыла глаза, и он встал перед глазами, как наяву. Физическая мощь, внутренняя сила, надёжность, желание защитить, и его любовь ко мне. Как же я могу быть в этом уверена? Ведь сгорая в пламени страсти, я ничего не понимала, потому что тонула в наслаждении. Но ведь я слышала, как он мне что-то говорил. Да-да, ночью он мне приказывал, как я должна расположиться. Следовательно, мой мозг тоже что-то слышал. И я сделала то, чему меня научила в детстве прабабушка, когда я потеряла игрушку и плакала.

Та сказала:

– Ты, внученька, просто скажи своей памяти одно слово – «доступ», и всё вспомнишь. Только не забудь уточнить. Хочешь, найти, то говори зрительный доступ, хочешь вспомнить разговор – слуховой доступ.

Я мысленно прошептала:

– Слуховой доступ.

Услышала собственные стоны, шёпот: «Да. Да. Мой. Мой. Единственный», потом его: «Моя. Моя. Запоминай, только моя. Желанная,жданная, и на чужом языке, – но я почему-то понимала его, – beloved-beloved (любимая). Навсегда моя, навсегда. Мой хмель, мой разум».

Я усмехнулась, глупый, зачем заклинал, если я навсегда отдала ему не только сердце, но и душу.

Вздрогнула, потому что Гусёна, дёрнула меня за ухо.

– Ай!

– Да что происходит, ты вся пылаешь, как при ангине?

Я честно призналась:

– Вспомнила ночь.

– Вот что, ты это прекрати! Теперь и до гроба, ты у него только одна. Я давно поняла, что он к тебе неровно дышит. Только не забывай, быть всегда для него вершиной. Пусть штурмует. Ладно, открывай глаза. Смотри, что получилось.

– Ох, Гусёна!

– Я старалась.

А хорошо, что он с одного бока часть волос срезал, когда срезал скотч и полотенце. После усилий Гусёны стало похоже, что ветер взметнул мои кудри. И даже стальные глаза, доставшиеся мне от прабабушки, казались серебристыми. (Ах, какие у него глаза!)

На завтрак мы пришли, когда все уже вовсю ели. Наше появление произвело впечатление. Мы обе были в широких шёлковых черных брюках и шёлковых же туниках. Гусёна в багровой, я в фиолетовой. Из украшений были только брошки у ворота. «Попугайчики» зашептались, а Ольга нам кивнула и улыбнулась. Удивительно, но, несмотря на убийство, все оделись, как на банкет, элегантно и богато. Только «попугайчики», как всегда, полыхали всеми цветами радуги. Видимо все решили, что столько убийств – это тоже развлечение. Э-хе-хе!

Гусёна улыбнулась и пропела:

– Доброе утро. Приятного аппетита.

Недружный хор голосов пожелал и нам доброго утра.

Я с удовольствием осмотрела стол. Завтрак был типично английским. Овсянка, варёное яйцо в смешной рюмочке, гора пышек и пончиков на огромном фарфоровом блюде и большие фарфоровые кофейники. В этот раз перед нами стояли большие чашки, и около каждого кувшинчик с молоком.

Мужчины мели еду, как лесорубы. Официантка, увидев это, всплеснула руками и притащила нам блюдо с жареной колбасой.

– Кушайте! Пожалуйста. Обед сделаем более сытным.

Мы бросили взгляд на стол, где сидели полицейские, те от души наслаждались едой и колбасу встретили одобрительно. Когда мы уже допивали кофе к нам подсел Вася.

– Кон, ты позавтракал? – Конрад молча взглянул на него. Вася подмигнул нам, а Конрада хлопнул по плечу. – Посмотри в окно. Погода, класс!

– И что?

Вася понизил голос.

– Мы вызвали бригаду. Работай. Ребята сообразят по ходу.

Конрад по-волчьи оскалился, потом закрыл глаза, видимо что-то обдумывая. Неожиданно громко у него зазвонил телефон. От этого мы вздрогнули, а за другими столами, все стали напряжённо прислушиваться. Звонивший говорил не больше минуты, после чего Конрад хмуро посмотрел на всех и встал.

– Господа! В гостевом доме очередное ЧП, – все онемели, а он спокойно продолжил. – У госпожи Гусевой Евгении украли жемчужное ожерелье. Очень ценное. Прошу, после завтрака все сидят в столовой, а наши сотрудники, будут обыскивать ваши номера.

Глава восьмая

«Чтобы найти многое, надо искать что-то одно».

Чезаре Павезе

Все уставились на Гусёну, потом на Конрада. На лицах мелькали: раздражение, недоумение и страх. Первыми не выдержали «попугайчики» – Марина воскликнула:

– Мало ли что она насочиняла. Какое ожерелье? Что-то мы на ней его не видели. Вы не посмеете нас обыскивать!

– Ещё как! – отмахнулся Вася.

Все шептались, потом у Конрада опять зазвонил телефон, и он вышел. Когда вернулся, то был мрачен, отозвал Боба и стал о чём-то с ним говорить. Конрад опять ушёл, а Боб вернулся за стол, играя желваками. Я переглянулась с Гусёной, но решила промолчать.

Алина робко попросила Васю:

– А можно мы хоть в бильярдную пройдем?

– Нет! – пробасил Вася и кивнул полицейскому. – Проследи, а то, они очень несерьёзно ко всему относятся. Господа отдыхающие, это – не игры!

Боб хлопнул себя по лбу и выскочил из столовой, Вася за ним. За дверью слышался разговор, Вася что-то гудел, потом заглянул в дверь.

– Дамы из седьмого номера на выход! – мы с Гусёной вышли, сопровождаемые шёпотом Васи. – Быстро к вам.

В нашем номере сидел Конрад, а на столе лежало пропавшее зеркало в восьмиугольной бронзовой раме. Гусёна шагнула вперёд, прикрывая меня, и прошептала:

– Это не мы!

Конрад усмехнулся.

– Знаю. Даже знаю, когда вам его подложили. Осталось уточнить кто. Моя кошка ничего не знает, потому что мы вместе с ней барахтались в снегу, когда его подкинули. Боб вырубился после вашей брачной ночи, значит только ты можешь помочь. Кто был с вами?

Гусёна засопела.

– Это точно, он сразу заснул на ароматерапии. А что, хороший сон, запах апельсин. С нами были: Максим Максимович, все «попугайчики-неразлучники» (Конрад хохотнул), папаша с близнецами и всё. Сразу скажу, что я потом заснула, и, если кто выходил, не слышала, но, когда мы проснулись все перечисленные сидели на месте.

Конрад встал, подошёл ко мне и крепко поцеловал.

– Спасибо, кошка, что ни минуты не сомневалась во мне!

Да-а! Это было восхитительно. Он понял, кто я и какая. Мир вокруг стал очень ярким. Видимо из-за прилива эндорфинов, и я кое-что поняла.

– Это и не Клавдия Николаевна. Ей муж не даёт худеть, и она втихаря бегают в бочки, пока он с близнецами. Остаются трое: Таисия Дмитриевна, этот убеждённый коммунист и девушка в чёрном.

– И весь, обслуживающий персонал, – пробасил Вася. – Пахомыч спит, Повар тогда крутилась на кухне, медсестра была занята, про остальных не знаю. Племянница Татьяна с ресепшена подошла бы, но, увы-увы.

Я вспомнила разговор с Татьяной и возразила:

– Нет, она ничего не знала про свойства зеркал. Она сама удивлялась, кому нужен маятник от часов. Она ненавидела и часы, и презирала старые зеркала Тамары Витольдовны. Знаете, что мне не нравится? Нам буквально подставляют этих троих, которых я назвала.

Вася кивнул:

– Я ничего не нашёл о значении рамы для зеркала. Значит, её выкинули, и второе зеркало, скорее всего, у кого-то просто лежит, а мы его не узнаем.

Конрад что-то набрал в телефоне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.